

№9 (1608)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОТ ПРОПАСТИ
К ВЕРШИНЕ ЗА
ТРИ ДНЯ

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.В. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.08.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 09 (1608) сентябрь 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора. 2
1991–2011

Дмитрий Ягодинцев.

От пропасти к вершине за три дня. 3

Юрий Каграманов.

Длинная тень ГУЛАГа. 4

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров.

На службе Революции 7

Мирон Я. Амусья.

Угнетённые угнетают? 10

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В.С. Время Федотова 13

Георгий Федотов.

Как Сталин видит историю России? 15

Иван Павлов. О русском уме. 17

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Святослав Иванов.

Генезис идеи 24

Из высказываний Петра Столыпина 27

Николай Рутченко (Рутыч).

В поисках «правительства доверия». 28

Дмитрий Соколов.

Полпотовщина как зеркало российского большевизма 36

КНИГИ И ЛЮДИ

Александр Гогун, Владимир Гинда.

...Как высшая стадия колониализма 39

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Владимир Флёров.

Храмовник XXI века 43

Сергей Порохин.

Крах армейских центров культуры. 45

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Памяти Ивана Буркина 46

Василий Жуков 48

Ирина Бен-Чавчавадзе 48

В 1989 году в нью-йоркском филиале издательства «Посев» вышел роман Дмитрия Сеземанна «В Москве всё спокойно». Созданный в самые беспросветные годы, когда советскую власть было принято считать незабываемой, роман впервые в художественной литературе поставил вопрос о её конце. Конечно, прогнозы автора сильно отличались от того, что реально произошло в 1991 году, но, по крайней мере, одна проблема, ставшая перед обществом двадцать лет назад, в сентябре 1991 года, была предсказана Сеземанном абсолютно точно: «...Самая серьёзная для нас опасность в том, что мы будем вынуждены сохранить в течение долгого времени существующие на местах кадры. И тогда произойдёт одно из двух. Есть две возможности. И обе весьма скверные. Либо чиновники будут саботировать вашу работу, и тогда вам придётся с ними бороться, — либо, что ещё хуже, они станут с вами сотрудничать, и тогда уже с самого начала в вашей системе возникнет червоточинка: ведь эти люди привыкли к слепому подчинению, к лести, интригам, доносительству. И привыкли ненавидеть тех, кто слишком хорошо знает своё дело. Вы им дадите новые указания, новый режим, но вместе с тем оставите им власть. И что же? Да мы мгновенно станем наследниками всей гнили, которой они пропитаны до мозга костей».

Но наиболее ярко это сегодня проявляется всё-таки не в России.

В принципе я согласен с Прохановым в его оценке Лукашенко: «Он и охраняемая им Белоруссия — последний остров советского материка. Лукашенко является хранителем стволовой клетки Советского Союза... Он хранит фермент красной эры... Лукашенко — властелин советских колец... хранитель советских святынь» («Завтра», июль 2011, № 28 (921)).

Павел Каныгин («Новая газета») сообщает: «Белорусский режим ввёл советскую цензуру. Под запретом — рокеры, писатели, драматурги и гимн перестройки — песня “Мы ждём перемен”». (Я только внесу уточнение: эта песня Виктора Цоя — не гимн перестройки, у неё гимна не было, а гимн, неофициальный, естественно, молодых людей, чьё взросление пришлось на этот период, и то не всех, люберов я исключил бы.)

А по сути, такой запрет — явление знаменательное.

Каныгин сообщает, что вообще-то цензура на художественные произведения существует в Белоруссии уже лет десять. Но попадали под неё лишь произведения яро оппозиционных и маргинальных авторов. Скажем, песни андеграундного рокера Лявона Вольского. Но в марте 2011 года по Белоруссии поползли слухи о расширении чёрного списка авторов. Чуть позже стали известны и имена. Попали туда и иностранцы: писатели Том Стоппард и Андрей Битов; музыканты групп ДДТ, «Сплин», «Наив», Pet Shop Boys. «После разгона декабрьского митинга в Минске и последующих репрессий, — резюмирует автор “Новой”, — все они заняли жёстко антилукашенковскую позицию и призвали европейское сообщество активно давить на режим... Спустя 20 лет Виктор Цой снова — рок-икона перестройки».

«Только уже не Союза, а единственного уцелевшего с тех пор советского островка», — сошлись во мнениях «Новая» и «Завтра».

А далее весьма интересный вывод П. Каныгина: «Сомневаюсь, что Лукашенко вообще слышал песню Цоя. Скорее всего, за решением стоят его идеологи, наши белорусские Сурковы — Всеволод Янчевский, Олег Пролесковский и Николай Чергинцев».

Проходит очень немного времени, и появляется сообщение уже не из Минска, а из Москвы: «Бизнесмен Полонский, строивший комплекс “Башня Федерация”, купил права на песню Цоя “Перемен”» (Газета.Ru, 27 июля 2011).

Процесс цепной реакции?

В 2004–2010 гг. г-н Полонский возглавлял крупнейшую девелоперскую компанию Mirax Group, которая строила крупнейший небоскрёб в Европе «Башня Федерация», потом компания была ликвидирована, а вместо неё создана Nazvanie.net. Что собирается делать Полонский с песней «Перемен», пока неизвестно. Но вспоминается ситуация с фильмом Анджея Вайды «Катынь», первый и на годы — единственный показ которого в РФ состоялся в московском Доме кино в конце 2006-го, режиссёр присутствовал, а российские СМИ, включая телеканал «Культура», обошли этот показ и этот визит молчанием. Потом права на показ фильма в России на 20 лет купил неизвестный нам гражданин РФ. (Показать фильм по российскому ТВ заставило крушение в апреле 2010 г. самолёта с польской элитой, направлявшейся в Катынь.)

«Понимает ли Кремль, — заканчивает Проханов, — что его безопасность напрямую зависит от безопасности Лукашенко? Что средства, которые Кремль тратит на поддержку Белоруссии, спасают вовсе не белорусские заводы и сельскохозяйственные фермы; они спасают Кремль? Безопасность кремлёвских лидеров находится в резиденции Александра Лукашенко, в маленькой деревянной шкатулке с серебряным замочком. И если открыть шкатулку, можно увидеть хрупкую стеклянную иглу, на конце которой что-то таинственно и слабо мерцает».

Понимает, или не понимает Кремль, где находится его безопасность, — не знаю, но пример берёт. «...На кухне синим цветком горит газ».

Дмитрий Ягодинцев

От пропасти к вершине за три дня

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ БЕЛОГО ДОМА В 1991-М

Три августовских дня были поразительны мгновенным изменением жизненного барометра. От светлых чаяний на получение больших свобод и смещения коммунистов от власти, что было ещё 18-го, до оглушительной, сбивающей с ног, безнадеги 19-го. От неё — к зарождающейся надежде сквозь стояние у Белого дома с вечера 19-го и весь день 20-го. И ни с чем несравнимое счастье победы 21-го. Всё произошло совсем быстро, и никогда ещё чувства не сменялись столь стремительно, от глубочайшего разочарования до полного счастья.

Именно это я ощутил в августе 91-го. Смею утверждать, что многие мои сверстники, а мне было тогда восемнадцать лет, чувствовали то же самое. Мы чутко улавливали, что режим слабел, и можно было выражать тем или иным способом своё недовольство. Это началось в 89-м. Что бы ни говорили сейчас вздыхающие о благословенных временах застоя, именно в те годы общество было как никогда едино в желании перемен. Уже был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ», уже издавались полуподпольные газеты различных Народных фронтов, уже можно было не шептаться, а говорить немного громче о политике. Участь в школе и готовясь к поступлению в институт, мы успевали после всех занятий участвовать во многих акциях того времени — несанкционированных митингах Демократического Союза на Пушкинской, разрешённых в Лужниках, живой цепи от центра Москвы вдоль Тверской и прочих. Новые веяния коснулись и школы, где я учился. Было решено (или велено сверху) избрать совет школы в составе представителей от учителей, родителей и одного от старшеклассников. Словом, всё было напоено радостной надеждой, грядущими изменениями, маленькими победами в виде уступок власти на всех уровнях. И это особенно чувствовали мы, старшеклассники и студенты, не придавленные ещё тяжёлым бытом, необходимостью кормить семьи и обладающие временем.

И тут наступило 19-е. «Лебединое озеро», угрюмые лица прошлого на телеэкране, навевающие бесконечную горечь заявления, колонны танков на улицах. Мне казалось, небо упало. Столько было надежд и веры — и всё рухнуло.

К вечеру стали появляться слухи о собирающихся людях у Белого дома на Пресне. Я решил попробовать пробраться туда. К моему удивлению, проходы от метро не были перекрыты. Раньше, желая не допустить людей на разные неразрешённые акции, милиция перекрывала все пути к месту события. Вспоминаю, как весной 90-го мы с другом пробирались к митингу на Тверской площади через какие-то дворы, крыши, тайные ходы со стороны Петровки. Все остальные, маломальские заметные проходы были перекрыты. Ничего подобного не было 19-го августа на Пресне.

Это и удивило, и обрадовало. Люди с большим энтузиазмом строили баррикады, используя все попадающие под руки предметы. В качестве одного из них послужил забор вокруг Белого дома. В то время он был метровой высоты, приятного зелёного цвета, а главное — разборным. Не пришлось ничего ломать, секции просто сняли со столбов. Кто-то пытался руководить и показывать места, где требуются баррикады. Молодёжь охотно слушалась. Рядом с высоткой обнаружилось наполовину снесённое здание. Это было чудным источником материала для баррикад. Всё шло в дело. Позже появились троллейбусы. Если не запамятовал, к ночи все значимые баррикады были закончены. Конечно, они не представляли собой сколько-нибудь серьёзной преграды не только для танков, но и для недавно сформированного ОМОНа, имей те чёткие намерения раздавить нас. Люди, находившиеся за ними, ничем, кроме веры, твёрдости и надежды, вооружены не были. Но за баррикадами, особенно окружавшими нас со всех сторон, было уютнее и казалось, что мы чуть в большей безопасности. Оружие виднелось у людей, стоявших близко к подъездам Белого дома. Были даже бутылки с зажигательной смесью. Как позже говорил генерал-полковник Константин Кобец (только назначенный министром обороны России), «в первую ночь у нас было 120 стволов, во вторую — больше двухсот: автоматы, пистолеты да два крупнокалиберных пулемёта» («Московские Новости», № 35, 1 сентября 1991). Вот такой арсенал. Чуть больше, чем у какого-нибудь супермена из голливудского боевика в багажнике. Близ баррикад я никакого оружия не видел. Чувство единения было на самом высоком уровне. Цементирующим составом был антикоммунизм. Люди чувствовали себя причастными к одному большому делу. Многие, я в том числе, испытывали вполне обоснованный страх. Несмотря на очевидное ослабление, режим продолжал огрызаться. Всем были хорошо известны события в Вильнюсе, Тбилиси, Сумгаите. Там подобное сопротивление стоило многим людям жизни. Тогда казалось, что нечто подобное произойдёт и сейчас. Смогли бы мы не разбежаться при виде атакующих танков? Мы верили, что смогли бы. Но «у каждого был свой план, пока ему не врезали». Распространялось заявление Г. Бурбулиса — «раступайтесь перед тяжёлой техникой». Появлялись и исчезали слухи об атаке ОМОНа или войск с одного либо с другого направления. То должны были появиться вертолёты, то десантники. У некоторых счастливицов было радио, и все собирались вокруг услышать новости «Эха Москвы». Шёл постоянный прямой эфир, паузы заполнялись прекрасной джазовой мелодией. Она настолько врезалась мне в память, что всегда снова звучит в моей голове, когда я вспоминаю о тех днях. Бабушки из близлежащих домов приносили

09/2011

бутерброды, где-то брэнчала гитара, горели редкие костры. За всех не скажу, но сам никаких пьяных я не видел, несмотря на поздние многочисленные заявления о повальном пьянстве защитников Белого дома. Было совсем не до этого. Надо просто понять, что адреналин в крови зашкаливал, возбуждение было крайне высоким. Какой уж тут алкоголь... Всё замерло в ожидании очень существенного, что должно было произойти (уже сейчас слышу голоса скептиков, что ничего существенного произойти не могло).

Как ни странно, городской транспорт работал. Можно было в любое время съездить на метро домой и вернуться. Чем я пару раз и воспользовался. Никому не приходило в голову не пропустить обратно сквозь баррикады.

После полной тревоги ночи на 21-е, когда погибли трое парней в туннеле под Новым Арбатом, положение как-то перевернулось. На нашу сторону перешли несколько танков и встали внутри баррикадного кольца. Под полные восторга возгласы и аплодисменты защитников. Бабушки на моих глазах целовали и кормили

танкистов. К набережной Москвы у Белого дома подошли речники, присоединившиеся к нам. То и дело кто-то из видных людей команды Ельцина выходил на балкон Белого дома и сообщал какие-то новости, которые становились от раза к разу всё более обнадеживающими. Количество людей вокруг Белого дома росло. Появлялось много известных людей. Наибольший восторг вызвало появление Мстислава Ростроповича. Но, главное, все чувствовали, что события ночи не получали развития, и, коль так, скорее всего, уже и не получат.

Дальше всё походило на счастливый конец из сказки. Митинг с участием Ельцина, объявление конца ГКЧП и ареста его членов, вывод войск из Москвы. Это была полная победа. Именно это ощущал я и, смею утверждать, все те, кто был рядом. Чувство счастья было безграничным. Реальность превзошла все самые смелые чаяния.

На Лубянку, к демонтажу Дзержинского, большинство из защитников не поехало. Мы валились с ног от усталости. Я спал около 14-ти часов. Это был сон абсолютно счастливого человека.

Юрий Каграманов

Длинная тень ГУЛАГа

Боже! На дне какого канала утопить нам это прошлое??!»

А.И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»

Двадцать лет назад, когда рухнул коммунистический режим и распался СССР, две вещи трудно было предвидеть наперёд. Первое: сколь глубоким окажется падение нравов в постсоветской России. Второе: до какой степени советские виды ещё будут пленять воображение, и не только людей, проживших в те годы, но и молодых, непосредственно с советской эпохой не знакомых или сохранивших о ней лишь смутные детские воспоминания.

Сначала о первом. Финал затянувшегося советского политического театра ознаменовался большими надеждами: казалось, что свобода нас примет радостно у выхода из него и укажет верные пути-дороги. Какие-то конструктивные процессы начались и сейчас продолжают, но уж больно тяжело они идут, и что мы получим в итоге, остаётся под большим вопросом. Главное, что внушает тревогу, — «качество» людей и человеческих отношений. И тут сказывается наше «проклятое прошлое»: термин, изобретённый большевиками, получил реальное наполнение, когда их настоящее стало прошлым.

Тень ГУЛАГа простёрлась над нами. Позволю себе пространную цитату из «Архипелага», содержание которой при первой его публикации в СССР, около двадцати лет назад, можно было целиком отнести к завершившемуся тогда историческому этапу, а сейчас ясно, что оно относится также и к последующему, нынешнему то есть, этапу. И даже больше к нынешнему, чем к предыдущему.

«Как кусок тухлого мяса зловонен не только на поверхности своей, но и окружён ещё молекулярным зловонным облаком, так и каждый остров Архипелага создаёт и поддерживает вокруг себя зловонную зону. Эта зона, более охватная, чем сам Архипелаг, — зона посредническая, передаточная между малой зоной каждого отдельного острова и Большой Зоной всей страны.

Всё, что рождается самого заразного в Архипелаге — в людских отношениях, нравах, взглядах и языке, по всеобщему в мире закону проникания через растительные и животные перегородки — просачивается сперва в эту передаточную зону, а потом уже расходится по всей стране. Именно здесь, в передаточной зоне, сами собой проверяются и отбираются элементы лагерной идеологии и культуры — достойные войти в культуру общегосударственную. И когда лагерные выражения звенят в коридорах нового здания МГУ, или столичная независимая женщина выносит вполне лагерное суждение о сути жизни, не удивляйтесь: это дошло сюда через передаточную зону, через прилагерный мир.

Пока власть пыталась (а может быть и не пыталась) перевоспитать заключённых через лозунги, культурно-воспитательную часть, почтовую цензуру и оперуполномоченных, — заключённые быстрее перевоспитали всю страну посредством прилагерного мира. Блатное миропонимание, сперва подчинив Архипелаг, легко перекинулось дальше и захватило всесоюзный

идеологический рынок, пустующий без идеологии более сильной. Лагерная хватка, жестокость людских отношений, броня бесчувствия на сердце, враждебность всякой добросовестной работе — всё это без труда покорило прилагерный мир, а затем и глубоко отразилось на всей воле.

Так Архипелаг мстит Союзу за своё создание». [1]

Так — и даже ещё более успешно — Архипелаг мстит и постсоветской России.

Стоит ли удивляться «воспитательным» потенциалам ГУЛАГа, если учесть, что лагерями была охвачена огромная часть населения страны. Лишённые стыда адвокаты сталинизма утверждают, что заключённых было «всего только» два или три миллиона. На самом деле одновременно в лагерях сидело до 2,5 миллионов, но прошло через них, только за период с 1930 по 1953 гг., 20 миллионов! [2] В это число не входят те, кто был сразу расстрелян (только в 1937–1938 гг. — до одного миллиона человек), кто умер от организованного голода или при пересылке и т.п. Не входят и ссыльнопоселенцы (на 1953 г. — свыше пяти миллионов). История ГУЛАГа — лишь часть истории Большого Трора, начатого большевиками в 1917-м и продолжавшегося без малого сорок лет, жертвами которого стали многие десятки миллионов. Но только ГУЛАГ стал «воспитательным» учреждением для страны, хоть и не в том смысле, какой вкладывали в это понятие его основатели.

Блатное миропонимание оказалось сильнее изуверского «идеализма» ранних чекистов, типа Дзержинского и Менжинского (под крылом которых, впрочем, успешно орудовали законченные садисты и всякого рода извращенцы). И оно пережило следующее поколение чекистов (уничтожившее своих учителей), «сторожевых псов» государства, семья Малюты Скуратова и мастеров Тайной канцелярии. И вышло на волю, в той или иной степени заразив все слои населения, от самых верхних, у которых роль золотой фиксы во рту (признак благосостояния у блатных) выполняют теперь дворцы и диковинные яхты, до обездоленных нижних.

В этом плане, как и в других, наше настоящее и наше будущее роковым образом увязано с прошлым, требующим всестороннего осмысления. Что создало ГУЛАГ — преступный режим? Но режим создали оказавшиеся у власти люди, которых другие люди или поддержали или, по крайней мере, не мешали им делать то, что они делали. Французская исследовательница Элизабет Анстетт имеет основания считать, что ГУЛАГ — это феномен современной массовой психологии. «ГУЛАГ, — пишет она, — объект, границы которого трудно определить... Он скользит сквозь исторические эпохи и проникает в окружающее его пористое пространство». [3] Имеется в виду не только российское пространство, но и мировое, включая европейско-американское. Не буду уж говорить о нацистских лагерях смерти; но и современным европейцам и американцам хоть государственная жестокость и внушает отвращение, частная, индивидуальная или групповая, жестокость постоянно берedit воображение (это видно хотя бы из их кинофильмов).

Итальянский философ Джорджо Агамбен зрит в глубины психологии и находит там неискоренимую склонность к выявлению и преследованию чужого и чуждого человеческого элемента, которому он даёт имя homo sacer. В переводе с латинского sacer — обречённый проклятию, приносимый в жертву (одно из значений). Древний архетип, считает Агамбен, жив и сегодня, более того, подспудно определяет всю политическую жизнь. «Концентрационные лагеря, — пишет он (имея в виду ГУЛАГ и нацистские лагеря смерти), — не являются чем-то исключительным, напротив, они выявляют сущность политики в современных демократиях». [4] Это гиперкритическая позиция в отношении современных демократий, в которых существует развитая правовая культура, обеспечивающая более или менее справедливое отношение ко всем без различия гражданам или, по крайней мере, ставящая себе такую задачу. С другой стороны, нельзя не брать в расчёт и тот факт, что право целиком пребывает в рациональной части общественного сознания, оставляя «бесхозной» иррациональную его часть; по чьему-то удачному выражению, оно снабжает всех и каждого «намордником», не позволяющим злым и своекорыстным «кусать» ближних своих. А идеальная демократия исключает само желание «укусить» кого-либо; она учит ценить и беречь достоинство другого человека столько же, сколько своё; и даже больше, чем своё.

В этом смысле идеальная демократия усваивает или пытается усвоить ценности христианства, в котором представление о равенстве людей в духе укоренено на уровне чувства. Это чувство утверждало себя даже в жёстко иерархические Средние века: когда знатные особы ритуально лобызались с сирыми и убогими, они таким образом удостоверяли преходящесть барьеров, которые их разделяли; пусть это был только психологический акт, но хотя бы психологически он был важен.

ГУЛАГ мог возникнуть не только потому, что право сделалось у нас фикцией, но и вследствие ожесточения, паче того, озверения, ставших характерными признаками времени. Размах Большого Трора, растянувшегося на несколько десятилетий, каковы бы ни были его непосредственные причины, побуждает задуматься о мистических смыслах этого явления, уникального в человеческой истории. Недавно я прочёл у молодой исследовательницы ГУЛАГа, в общем, позитивистски ориентированной, что здесь есть некая загадка, не поддающаяся рациональному объяснению. Полагаю, что это безошибочное впечатление. И загадке можно нарисовать лицо: это дьявол, каким его ожидал увидеть, но так и не увидел Иван Карамазов, — в ослепляющем красном сиянии, с громами и молниями.

Сами собой напрашивались сравнения с дантовским Адом — от первого его круга, ещё более или менее терпимого («В круге первом» Солженицына) до девятого, самого страшного («Колымские рассказы» и другие вещи В.Т. Шаламова). Поразительно сходство, вплоть до некоторых деталей, ледяного озера Коцит, образующего у Данте девятый круг, с гулаговской

09/2011

Колымой. «Коцит» — «плач» по-гречески: оказавшиеся там люди обречены плакать, но плакать им мешают уже оледеневшие слёзы, не пропускающие новые слёзы. А герой Шаламова отламывает оледеневшие слёзы от своих глаз (в стихотворении «Поэту»: «Рукой обламывал я слёзы»).

В другом стихотворении, «Инструмент», Шаламов намекает, что «инструмент», посредством которого выстроены дантовский Ад и Красный Ад ГУЛАГа, один и тот же — стило. Это —

*Всё, что Данту было надо,
Для постройки тех ворот,
Что ведут к воронке ада,
Упирающейся в лёд.*

Действительно, «инженерная» конструкция Ада — фантазия Данте. ГУЛАГ, разумеется, тоже кем-то спроектирован, но в мистериальном плане *causa causalis*, причина причин, вызвавших его появление, — стило, которое как раз рисовало картины земного рая.

И в этом смысле тоже ГУЛАГ — феномен далеко не только отечественного значения. А в том, что в это страшное время миллионы преимущественно молодых людей распевали «Марш энтузиастов» и нередко что-то похожее на энтузиазм действительно испытывали, нет никакой загадки. Страна, какую она подошла к 1917 году, избыточествовала энергиями, которые, несмотря на все людские потери и все причинённые ей психологические травмы, не могли сразу иссякнуть. И если строители «нового мира» создавали что-то действительно позитивное, они этим обязаны были сохранявшимся элементам предметности, действию «прошлого в настоящем», как применительно к Франции выразился Токвиль. Но Токвиля (я имею в виду его работу «Старый порядок и революция») у нас тогда не читали, хотя интерес к Французской революции был огромным. Читали Жореса и Олара, у которых находили близкое себе «отречение от старого мира». [5]

Энтузиастам, как тогда казалось, радостно было жить в Стране Фантазий и Проказ И озорных Затей (Сергей Михалков).

Они напоминают победителей-татар, которые после поражения при Калке шли по деревянному настилу, положенному на стонущих и умирающих побеждённых. Стоны заглушались песнями. Молодые люди сверх животной жажды жизни испытывали потребность в музыкальном её «оформлении». 20-е годы были временем какофонии (Блок в 21-м жаловался, что «нет музыки»). В 30-х вдруг прорвалась национальная «музыка души», которая нашла выражение в музыке без кавычек. И в лучших её образцах зазвучала подлинная эвфония (благозвучие), пусть и на скромном песенном уровне. Если стенания ветеранов (и тех молодых людей, которые к ним прислушиваются) по поводу минувшего увечного «величия» сталинской эпохи основаны на недоразумении, то ностальгия по утраченной музыкальности имеет определённые оправдания. «Музыка души», пишет композитор и куль-

туролог В.И. Мартынов, образует некую «распорку бытия»: «Если убрать эту «распорку», Бытие опадёт и скукожится». [6]

В романе Василия Аксёнова «Остров Крым» белые ветераны поют... знаменитую советскую «Каховку». И в этом нет никакой натяжки. Многие заграничные белые, действительно, охотно слушали и даже сами пели лучшие советские песни, включая «песни Гражданской войны». Я заключаю эти слова в кавычки, потому что в годы Гражданской войны красные в основном пели песни, оставшиеся от «проклятого прошлого» (конечно, переиначив текст). А «Каховка» и большинство других «песен Гражданской войны» создавались в 30-е.

Рождение в СССР музыки из духа трагедии, ошибочно понятой как «оптимистическая трагедия», ещё нуждается в осмыслении. Мне так представляется, что «музыка души» будто ждала своего часа и, не дождавшись ничего лучшего, совершила «эмоциональный бросок» навстречу Красной идее, благо Красная идея, как мифический змей Уроборос, сама себя укусила за хвост и осталась, по выражению Леонида Леонова, «красная, но линиялая». 30-е — время ползучей контрреволюции и «хитроумной» переслойки времён. В эти годы в умах складывается путаница, которая в главных своих чертах сохранилась до конца советских времён.

Эта путаница и сегодня вызывает озадаченность у историков. Свежий пример — книга А. Буровского «Мифы и правда о 1937 году. Контрреволюция Сталина» (М., 2010). У автора есть представление о порядке ценностей и, пока речь идёт о Гражданской войне, он твёрдо стоит на позиции белых. Но когда он переходит к периоду восхождения и утверждения Сталина, то тут ему приходится постоянно менять угол зрения, от чего он теряется и заявленный им тезис о «контрреволюции Сталина» не может провести сколько-нибудь последовательно.

Вероятно, подобную озадаченность должен был бы испытать тот, кому довелось бы воочию узреть химеру: пасть львиная, тело баранье, хвост драконий — что это такое? А «нашей» химере ещё следовало бы добавить чьи-нибудь крылья, которые создавали бы у неё самоощущение полёта.

У Буровского, повторю, есть хотя бы твёрдое представление о ценностях. У многих других историков путаница начинается уже на уровне ценностей.

Действие «прошлого в настоящем» сказывалось на различных сторонах советской жизни; в частности, распространялся вширь просвещенческий культ разума, хотя бы и стиснутый марксистскими или псевдомарксистскими догмами. Впечатляет эпизод в «Архипелаге ГУЛАГ»; там смертники, которым назавтра умирать, устраивают семинар, где каждый выступает со своим докладом — по литературоведению, математике, химии и т. д. Эта просвещенческая вера была, как я уже сказал, широко разлита по стране, а люди, о которых идёт речь, попали в ГУЛАГ за другое, но здесь они получили возможность удостоверить её самым экстремальным образом.

И вот ещё пример «химического» совмещения несовместимого: культ разума сочетался с таким разливом человеческой глупости, какого не мог бы представить сам Эразм из Роттердама.

Некоторую жизнестойкость химера могла проявлять лишь до тех пор, пока отдельные её члены не видели друг друга. Когда же это произошло, химера обмякла. И все последние десятилетия советской власти держалась лишь силой инерции.

Недавно «Архипелаг ГУЛАГ» начали проходить в школе. Я просмотрел в Интернете первые отзывы тех, кого это прямо касается. Как и следовало ожидать, среди детей, выросших в тени ГУЛАГа, много таких, у кого атрофирована чувствительность. Если «Сон Обломова» и «Вечера на хуторе близ Диканьки» им кажутся намеренно-умильными, то «Архипелаг» — надуманно-жестоким. Они предпочли бы Пелевина и какой-нибудь «Архипелаг Гуд Лак». [7] Есть и такие, кто уже нахватался у взрослых «патриотизма», не приемлющего взгляды «литературного власовца». Но есть и дети, более или менее адекватно воспринимающие содержание великой книги: и описанные в ней ужасы земного Ада, и примеры слабости и низости человеческой, и силу характеров «Руси уходящей», точнее, теперь уже давно ушедшей.

В помощь им — Бог; и ещё — мистическое присутствие в нашей жизни десятков миллионов невинно загубленных душ.

1. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3–4. М., 1990. С. 520–521.
2. Вероятно, эту цифру можно считать окончательной, потому что она приведена в академически основательном шеститомнике «История сталинского Гулага». Т. 1–6. М., 2004.
3. Anstett E. et Jurgenson. Le Goulag en heritage. Pour une anthropologie de la trace. Paris. 2009., P. 144.
4. Agamben G. Homo sacer. Die souverane Macht und das nackte Leben. Frankfurt am Main., 2002. S. 136.
5. Токвиля мало читали тогда и в самой Франции. Его заново оценили лишь в преддверии 200-летия «великой» революции, когда в исторической науке началась фундаментальная ревизия всей её истории. В результате французы сильно умерили свой восторг перед нею. В революции стали различать две стороны — светлую (которая в Русской революции была мимолётной, если вообще была) и тёмную. Официозный фильм Ж. Энрико «Французская революция» (кино — medium, более других отражающий общественное сознание) прямо делится на две части: «Годы света» и «Годы ужаса». В самые последние годы вышли фильмы, появление которых прежде было немислимым: в частности, «Шарлота Корде» А. Эльмана и «Мария-Антуанетта» С. Коппола (последний — франко-американский).
6. Мартынов В.И. Зона opus posth или Рождение новой реальности. М., 2011. С. 81.
7. То есть «Архипелаг Удачи», если кто не знает по-английски.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров

На службе Революции

ПРЕВРАЩЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Статья «Черты двух революций» (французской и русской) встречена была недоумением читателей. От Солженицына, как обычно, ждали ответа на очередной насущнейший наш вопрос. А тут вдруг... Ну да, конечно: черты абсолютного сходства, до мелочей. Но кто ж о яковинском изуверстве и без Солженицына не слышал? Разве те, кто не слышал и о советском. Да, блестящий анализ, да, эффектные факты. Но... Ждали, одним словом, другого.

В одной области, впрочем, писатель отказал двум «великим» в сходстве: он подчеркивает национальный, в отличие от нашей модели, французский настрой. Подчёркивает как бы даже с одобрением: вот, что-то человеческое даже там сохранялось. И хоть это скрытое одобрение вызывало протест — главное было не в нём. У великого писателя важны не выводы — интуиция. И принципиальную важность этого, в общем-то, и ранее известного нам различия подсказала Солженицыну именно она.

Пора оценок пришла гораздо позже. Сегодня, по солженицынскому же выражению, коммунистический всадник вновь седлает под себя национального коня. Ну конечно: сегодня уже не впол-

не коммунистический... Но не будем о терминах. Крепнущий миф сталинистской державности — достаточный повод, чтобы связь национализма с революционностью со всей серьёзностью разобрать. Как связь по противоположности (российский вариант: национальная Россия — против наступающего интернационализма). Так и вполне братскую, французскую связь (добрый француз, патриот, революционер — синонимы). Не правда ли — ошарашивающее несходство?

Вопрос об этом несходстве тесно связан, как мы увидим, и с некоторыми другими проблемами. С вопросом о происхождении европейского национализма. А также — о путях его в Россию.

Было бы несерьёзно «исследовать» обычные человеческие чувства, как добрые, так и дурные. Но говоря о национализме, мы имеем в виду не их. Мы подразумеваем — националистическую идеологию. Это специфическое явление локализовано во времени и пространстве, оно возникло в Европе лишь в XVIII веке, и всего в двух странах: в Германии и во Франции. Вскоре оно распространилось и на Россию — молодой ареал влияния этих двух стран.

Кто первым приходит нам в голову, когда речь заходит о национализме двухсотлетней давности? Новалис, разумеется; а также Шиллер, Шлегель... Если судить по литературным источникам — родиной европейского национализма, а заодно и прародиной русского, оказывается Германия. Но это — странный какой-то, не очень привычный нам национализм.

«Были прекрасные, блистательные времена, когда Европа была единой христианской страной, когда единое христианство обитало в этой части света, придавая ей стройную человечность, единый великий общий интерес объединял отдалённые провинции этого пространного духовного царства. Один верховный руководитель возглавлял и сочетал великие политические силы, не нуждаясь для этого в обширных мирских владениях. Одно многочисленное сословие, готовое включить в себя каждого, непосредственно подчинялось этому руководителю, ревностно стремясь укрепить его благодетельную власть»...

Но при чём здесь национализм? — спросит незнакомый с немецким *космополитическим патриотизмом* читатель. И немедленно, у Новалиса же, получит ответ. Всё связано в этом мире, и, «разучившись почитать земное отечество, люди перестанут благоговеть и перед своей небесной родиной». Задача же земного отечества — воистину велика. Предупредить хаос, вновь объединить Европу; а религиозное и духовное возрождение Германии — первый шаг на этом пути.

Увы, христианская Европа осталась в прошлом... Так думали многие, не разделяя новалисовский идеализм. Фридрих Шлегель даже отказался публиковать в своем журнале гениальный трактат. Сам он солидаризовался с идеей *Kulturnation*, её сформулировали несколько ранее Шиллер и Гумбольдт: Германия должна отказаться от политических претензий, но при этом должна занять ведущее место в духовной эволюции человечества.

Возрождение христианства, возвращение к средневековой духовности... Эллинизация Европы — эта известная нам из Ницше идея высказывалась уже и за век до него... Идеи были разные; типология — одна. «Царствовать — прислуживая» (Адам Мюллер): лишь в служении наднациональным ценностям раскрывается национальный гений немцев. Уникальность его, по Мюллеру, — в способности ассимилировать вклад в мировую культуру других наций: немец не воспаряет над другими народами, он — вечный посредник. *Всечеловек* — сказал бы наш Достоевский...

«Хорошее было начало», — скептически скажут некоторые. Хорошее. И оно же закономерно оказалось и концом. Выхода в *настоящий* национализм из космополитического национализма не было. И когда час *настоящих* пробьёт — они, вопреки собственным лозунгам, воспользуются отнюдь не национальными образцами. Но об этом чуть ниже. А пока отметим: и на русской почве тоже не прижился изысканный романтический национализм. Популярность его обманчива: и на наших широтах оставалась лишь странностью, литературой к отчизне странная любовь.

Но перейдем уже к ситуации французской. Почему революционный лагерь монополизировал патриотическую идеологию в этой стране? Для ответа на вопрос бегло взглянем вначале на французский XVIII век. Франция была быстро развивающимся государством. Гениальный финансист Кольбер, министр Людовика XIV, упорядочил денежное обращение, привел в порядок казну. Торговля процветала, промышленность крепла (монархия быстро растила своего могильщика). Самоуправление провинций, независимость профессиональных корпораций, судов... Всё это — а не столичная трибунная болтовня — и закладывает в любой стране основы свободы. И Франция уверенно шла по этому пути.

В то же время власть дежалась за архаичные представления, всё более раздражавшие «прогрессивные» влиятельные круги. Самые разные круги: центром завтрашней революции стали парижские аристократические салоны.

Всё как у нас? Не совсем. За полвека до большевиков у нас были нанесены уже непоправимые удары по государственности, по ценностной системе. От своего имперского наследия Россия идеологически полностью отсеклась. Последние *русские цари* со всей решительностью дистанцировались от *наднациональной Империи*. Что же при этом от неё оставалось? Прежние формулировки официальных протоколов? Большевики лишь добились остатки уже разрушенной, потопленной страны. И если бы они сделали это не столь бесчеловечно — вряд ли кто стал бы эти остатки и защищать.

Во Франции процесс деградации целостной религиозно-монархической системы был сходен с нашим. Но занял он не полвека — считанные годы. Структурные изменения системы при этом проявиться ещё не успели.

Полвека — огромный срок. Борясь за свободу, порядок и право, русский поручик защищал завещанные ему *прадедами* ценности Империи. Его сверстник во Франции 1789-го защищал католическую монархию. Ещё реальную, ещё для него живую.

Отвлёкшись от своего вопроса, мы почти уже дали ответ на него. Представим себе мысленно разговор с французским роялистом. «Почему ты сражаешься здесь?» — «Потому что я католик. А мой король — вассал Господа. А его страна — любимая дочь Католической Церкви». — «А ты патриот?» Но последний вопрос представляется явно бессмысленным. В круге абсолютных, универсальных ценностей патриотизм наличествует лишь чисто имплицитно.

В левом же лагере всё звучало совсем по-другому. Ранг патриотизма был здесь иным: он был зародышем завтрашних ценностей универсальных. Лишь я, француз, противостою отсталой, реакционной, тиранической Европе! Сограждане — на бой! И звучало. Ведь и вправду: кто, как не француз? Мысль о борьбе пролетариев всех стран не приходила ещё в голову и самым горячечным маратам...

Примитивная схема. Но сработала она на века. И работает даже там, где исследователи видят её не часто. «Права человека, воля народа, ценность лич-

ности, национальный суверенитет»... Мы привыкли через запятую, бездумно употреблять хорошие слова. И не замечаем, что некоторые из них готовы с аппетитом сожрать рядом стоящих собратьев. Для парижских болтунов «суверенитет нации» был ещё во многом разрезением воздуха. Юристы Третьего Рейха придали этому понятию весьма содержательный смысл.

«Французская революция соединила Декларацию прав человека с требованием национального суверенитета. Одни и те же основные права были одновременно провозглашены и как неотчуждаемое достояние всех людей, и как особенное наследие определённых наций; одну и ту же нацию разом объявляли и подчинённой законам, кои предположительно вытекали из этой Декларации, и суверенной, то есть не связанной никаким всеобщим законом и не признающей ничего высшего над собой. Практическим результатом этого противоречия стало то, что отныне... сам институт государства (чьим высшим назначением было оберегать и гарантировать человеку его права) потерял свой юридический, рациональный облик... Соответственно «национальный суверенитет» терял первоначальный дополнительный оттенок своего значения как «свободы народа» и окутывался псевдомистической атмосферой беззакония и произвола».

Так написала известный исследователь тоталитаризма Ханна Арендт.

Здесь можно бы говорить о многом. Что любимым мыслителем *обладавшего чутьём на своё* фюрера был не какой-нибудь рефлектирующий немец. А патологический безбожник и антисемит Вольтер... Но нас будет занимать *русское* продолжение французского национализма.

Как последний проник в Россию? Очень легко ответить на этот вопрос. Да по тому же пути, что и французские *социально-революционные* лозунги! Кто принёс из далёких походов светлые идеи свободы, равенства и братства всех людей? Правильно! И они же принесли мысль о некотором, при всём том, и неравенстве. По национальному признаку.

Вот как в декабризме «родилась или по крайней мере была объявлена в первый раз ужасная мысль о цареубийстве».

«Александра Муравьева князь Трубецкой уведомлял из Петербурга, что „Государь намерен возратить Польше все завоёванные нами области и что, будто предвидя неудовольствие, даже сопротивление русских, он думает удалиться в Варшаву со всем двором и предать отечество в жертву неустойчивости и смятений“. Сие известие, столь нелепое, как потом признали сами члены тайного общества, произвело на них действие едва вероятное. Они вскричали, что покушение на жизнь императора есть необходимость; один (князь Фёдор Шаховской) <...> полагал только дожидаться дня, когда будет в карауле полк, в коем он служил; хотели бросить жребий, и наконец Якушкин, который в мучениях несчастной любви давно ненавидел жизнь, распалённый волнением и словами товарищей, предложил себя в убийцы...»

В общем, чем решительней преобразования, тем яростнее реакция на них: так почему же не всё!

И не сразу! И почему им, а не нам?! Полонофобия декабристов была весьма навязчивой. И вполне современной психологически: конституционные планы Александра революционеры приписывали... влиянию на него польских тайных обществ. Но национальные проекты революционеров не ограничивались отторжением от Царства Польского присоединённых к нему Империей земель. «Временное правление должно основало также основать новое Иудейское царство из находящихся в Польше и России жидов. „Их будет два миллиона, — говорит Пестель, — в том числе женщины, старики, дети, они даже и без вспомогательного войска могут легко пройти сквозь всю Европейскую Турцию и, выбрав место на берегах Малой Азии, завести своё независимое государство”». Сильно же революционеры обогнали своё время. Их мысли могут даже несколько удивить, если вспомнить, что сколь-нибудь значительной роли в жизни России её новые подданные играть тогда ещё не могли. Но основной манифест декабризма, «Русская правда», предполагает жёстко унитарное устройство государства, а потому пристрастный интерес Пестеля, Юшневского, Сергея Муравьева-Апостола к полякам, евреям — народам с «необщим выраженьем» лица — вполне понятен.

Републикация подобных декабристских показаний вызывает подчас у читателя психологический протест. Да не может же быть такого! Мы привыкли, что «жидомасонский» взгляд на мир — при всех условиях, не свойство левого лагеря! — В основном, так. В последние полтора века. А чуть ранее... Какие проявления правого, консервативного шовинизма можем все мы припомнить без труда? Малоприятные дискуссии с немцами о национальных научных приоритетах. Да жестоко высмеянные обществом «мокроступы» вместо калош. Слева же... Декабристы разбудили Герцена. И вот грянуло истерически с лондонской колокольни. Иноземцы — наглы, грубы, жестоки, злы. Они *нас не понимают!* Бывало и похлеще. «Если бы немцев не было, их стоило бы выдумать, ибо ничто так успешно не объединяет славян, как укоренившаяся в них ненависть к немцам». Это уже не Герцен. Это его друг, откровенный террорист Михаил Бакунин.

Перед нами — программа действий. И чтобы по достоинству оценить её, надо вспомнить: чем же Российская Империя была на самом деле? Петербургская власть просто не понимала, что это такое: деление людей по национальному признаку. Иностранцы, подчас из враждебных государств, заполняли ведущие департаменты — даже не давая при этом присяги о лояльности России. Попробуйте-ка представить что-либо подобное сейчас... Как же было и бить по космополитической «кнуто-немецкой» империи? Ясно, как: молотом национализма. Аппелируя при этом к простому русскому мужику. Вечно безмолвному, непогрешимому свидетелю правоты всех погромщиков и революционеров.

Но вот наступил период «Русского Царства». Опустим рассказ о нём: национализм этого периода вопросов обычно не вызывает. Он прост, как пудовая гиря, ясен, как начищенный сапог. Мина быстрого действия

09/2011

была подложена теперь под Россию. Коренные перемены были ведь действительно необходимы стране. А Русское Царство, с явными теократическими оттенками своей ценностной системы, меняться в принципе не могло. В чём и видят поклонники посейчас его непреодолимую силу... И вот последние русские десятилетия завернулись в безвыходных омутках-кружках. Трудно даже в чём-либо винить последнего монарха. Недоконституционное полусамодержавие, безусловно, было обречено.

Мы написали выше о двух видах национализма. О космополитическом, книжном: он призван, в принципе, универсальные ценности овеществить. О вполне практическом, революционно-нацистском: он во многом предшествует универсальным ценностям, порождает их. Лебединой песней России стал заменивший умершие ценности национализм.

Анализируя причины поражения белых, пишут о многом. О военных факторах, об отсутствии аграрных программ. Об отсутствии простой и глубокой сверхпрограммы («идеи-водительницы», выражаясь по-евразийски) обычно не пишут. Вот твоя оскорблённая Родина — войей за нее. Разве не ясно?

Не ясно. Во всяком случае, очень многое.

В первый Белый поход ушли четыре тысячи человек. Десятки же тысяч боевых офицеров призывы проигнорировали. «Решили отсидеться», — пишут часто. Справедливо ли? Храбрецов в России всегда хватало. Но не нужно игнорировать простые принципы человеческой психологии. Человеку нужна идея, цель. Простая, ясная и в то же время глубокая. И дающая шанс победить. Пусть хоть в принципе, хоть в далеком будущем... Можно погибнуть за отеческие гробы. А «победить за гробы» — ну, никак нельзя. В гражданской войне побеждает имеющий идею.

Нужен был великий поэт, чтобы понять и выразить пафос неизбежной белой гибели. Но поэт в России найдётся всегда.

*Баррикады в Пятом строили —
Мы, ребятами. — История.
Баррикады, а нынче — троны.
Но всё тот же мозольный лоск.*

*И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.
Мрём от них. Под шинелью драной —
Мрём, наган наставляя в бред...*

Троны так — не строятся... Шансов не было. Разве на то, что не откажет наган.

Осталось добавить лишь самое печальное. Сверхидея оставалась необходимой национализму. После поражения — ещё более, чем до него. И большевики её предложили.

Советский режим считал РОВС серьёзнейшим противником. Против Врангеля и его соратников были брошены лучшие интеллектуальные кадры ГПУ. И результаты их работы оказались блестящи. При туманных обстоятельствах (предполагают отравление) умирает Врангель; похищен и убит его преемник — популярнейший грозный Кутепов; эта же судьба постигла преемника Кутепова — генерала Миллера... В РОВСе активно действует «Внутренняя линия» — внутренняя армия из чекистской агентуры.

Детективы на этот сюжет были бы неправдоподобны: вчерашние корниловские офицеры, генералы — работают на ЧК, крадут и убивают друзей? Продались Советам? Дело, конечно, было не в продажности: вчерашние белые не продались, а купились. Купились на неотразимые национал-большевицкие доводы: Великая Россия — теперь там! Вот и служи ей, ничего не жалея! — Да, но всё-таки... боевые друзья, мораль... — Э-э-э, господа... была у нас мораль... А у них не было — вот и победили...

Красный всадник без всякого труда скормил национальному коню сено сменовеховства.

Мирон Я. Амусья

Угнетённые угнетают?

АФРИКАНСКИЕ СТРАСТИ В ЛОНДОНЕ

— Чего вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена!

— Стена, да гнилая. Ткни — и развалится!

Разговор полицейского с В. И. Ульяновым, позднее Лениным

Впервые я оказался в Лондоне в 1970 г., в связи с конференцией по атомной физике, проводившейся тем летом в Оксфорде. Краткая программа пребывания, всего несколько дней, включала и уголок ораторов Гайд-парка, и Парламент. Последнюю экскурсию пришлось перенести на несколько дней, так как из галереи публики бросили в парламентариев бомбу со слезоточивым газом. Бросавший крикнул, как общались газеты: «Почувствуйте, каково это нам, в Белфасте». Даже через пять дней, когда в парламент пу-

стили, не совсем ещё выветрился запах газа и щипало глаза.

В Гайд-парке бомб не бросали и никто не мешал слушать оратора, обращавшегося к небольшой, человек сто—сто пятьдесят толпе, со страстью, которой хватило бы и для стотысячного митинга. Я запомнил впечатлившие меня слова: «Любой белый — наш враг: и консерватор, и лейборист, и либерал». Бросалось в глаза, что как оратор, так и его небольшая аудитория — все были, пользуясь сегодняшним но-

воязом, — афроамериканцами. Обращала внимание и явная, неприкрытая ненависть, подкрепляющая сказанное, и то, что по одежде и средней упитанности толпа не состояла из побирающегося сброда, какой я видел в других местах и каким его себе представлял.

Тогда я не подумал о религиозной составляющей столь злобного отношения к «белым», связывая его со следами эпохи колониализма. Но, спустя примерно четверть века, когда провёл в Англии полгода, узнал, что большинство, наверное — абсолютное, бывших афроамериканцев — мусульмане. За эти полгода я не один раз видел мусульманские демонстрации, которые всегда чего-то требовали от английского общества — каких-то особых прав и свобод, равенства и т.п. В демонстрациях, в небольшом разведении, участвовали и белые. Сами лозунги, под которыми шли демонстрации, были всегда левые — антикапиталистические, антиамериканские, да и — совсем нередко — антиизраильские.

В разных, по времени и месту проведения, этих демонстрациях было много общего. Не вызывало сомнения, что «протест» организован, направляем и финансово поддержан. Об этом говорило и построение колонн, и профессионально сделанные плакаты, и швыряемые публике не от руки написанные листовки. Всегда удивлял явно ощутимый заряд вызова и неприязни к окружению и окружающим, совершенно не соответствующий вполне благополучному внешнему облику демонстрантов. Они чувствовали себя хозяевами улицы, эти вчерашние угнетённые, и не просили, а властно требовали. Опасность взрыва ощущалась непререкаемым спутником таких демонстраций и заставляла прохожих, главным образом по номиналу — «угнетателей», пугливо сторониться. Казалось, малейший инцидент может привести к столкновению.

А между тем, протестантов ровно ничего, во всяком случае — на первый взгляд, не удерживало в Англии. Они здесь не родились. Та завидная раскованность, с которой люди иного, чем белый, цвета кожи вели себя на улицах, в кафе, магазинах и ресторанах показывала, что они вполне устроились, им есть, что есть, на что купить, и чувствуют они себя вполне свободно. Тогда почему столь часто протестуют, и протесты эти полны отнюдь не инсценированной злобы? Может быть, дома, в стране, откуда родом, им было всё-таки лучше? Многолюдные демонстрации афроамериканцев и курдов с турками видел и по рабочим дням. Значит, они, скорее всего, безработные? Но тогда где же требования работы? Их не было и в помине. Не было и просьб о хлебе насущном или достойной крыше над головой, что казалось естественным при голодном и холодном протесте. Значит, хлеб и другую еду, равно как и место круглосуточного пребывания, кто-то им поставляет. Замечу, что под мостами, обычном, согласно советским СМИ, месте пребывания угнетённых и обездоленных, народу оказалось на удивление мало: не набрать и на небольшой пикет, не то что на занимающую большую улицу демонстрацию.

Лондонская и британская в целом ситуации не уникальны. В Германии сам видел смену поведения приезжих турок, курдов, арабов. Первоначально пытавшиеся онемечиваться, с ростом концентрации они немецкую культуру, включая язык, начинали просто отвергать. Это отвержение шло параллельно явному развитию у приезжих чувства хозяина, права на протест, агрессии по отношению к местным. «Гости» явно ощущали собственную силу, непрочность противостоящей им «стены» государства. И там было много демонстраций, просто наглых, агрессивных по требованиям, и манерам их участников. Природа агрессии не имела, на мой взгляд, объективных материальных оснований. И во Франкфурте, и в Берлине, я ощущал идущую от демонстраций злобу, сродни той, что замечал в Лондоне.

Эти картины протеста вспоминаю часто, глядя по ТВ на перекошенные ненавистью лица демонстрантов в Газе или Иудее и Самарии. Я понимаю, что гнев каждой демонстрации диктуется не только общей ненавистью демонстрантов к Израилю и евреям, но и конкретной задачей, поставленной теми, кто эту демонстрацию оплачивает. Ведь очевидно, что без этой оплаты она никак не может обойтись (так получилось, что в одном конкретном случае знал даже цену протеста — 15 шекелей на одного за два часа «работы»), поскольку по истечении, как максимум, 5–6-ти часов протеста бунтовщики захотят есть. И тогда кто-то на чьи-то средства их накормит, освободит от работы, поскольку за бунт в рабочий день надо работодателю компенсировать убытки. К сожалению, на сегодняшний день лучше всего это удаётся государственным системам соцобеспечения. Здесь и лежит самый доступный способ борьбы с «протестом» — перестать «угнетателям» финансировать «угнетаемых», их самих, и их семьи.

Вернусь, однако, к своим английским воспоминаниям. Мне было неясно, почему вообще эти «демонстрации протеста» происходят в Англии. Ведь их участники, казалось бы, рискуют быть выдворенными из этой страны. Однако из разговоров с аборигенами я вскоре понял, что быть изгнанными «угнетённые бунтари» не боятся — не те нынче законы в Англии, не та мощная стена на пути протеста «угнетённых». Не особенно беспокоятся они и о хлебе насущном — с социальных выплат в современном западном обществе (к «Западу» отношу, разумеется и Японию, где живущих на социальную помощь весьма мало, и Израиль, где их полно) от голода не помрёшь, да и нечто вроде «крыши над головой» «угнетающим» обществом, так или иначе, обеспечивается. Законы эти социальные, в основе своей гуманные, нормальное общество могут, однако, просто взорвать.

Знаю про законы не только из сообщений СМИ, скорее — вопреки им. Расскажу об удивительной ситуации, возникшей, правда, не в Великобритании, а в Швеции почти двадцать лет назад. Знакомый мне аспирант ленинградского физтеха, аргентинец, женился, находясь в СССР, на украинке. По окончании аспирантуры, по пути в Аргентину, они задержались

09/2011

в Стокгольме. Там и застряли, поскольку им очень понравилось. Он предложил — бесплатно — свои услуги местному институту физики, а она родила ребёнка. Оба супруга в связи с тем, что просрочили визы, подлежали депортации в Аргентину и на Украину, соответственно. Однако без суда дело не решалось, а время шло. Жена опять забеременела. Возможная депортация разрушила бы семью, чего законы западных «угнетателей» разрешить не могут. Поэтому семье выдали, фактически бесплатно, трёхкомнатную большую квартиру в центре Стокгольма и пособие, заметно превосходящее зарплату начинающего научного работника — шведа. В такой ситуации можно и подмонстрировать — всегда ведь хочется ещё лучше, чем есть! (Данная возможность не использовалась, разумеется, бывшим аспирантом ФТИ, который работал, как отмечал, бесплатно по своей специальности, притом вполне неплохо.)

Примечательно, что когда в Лондоне начались «демонстрации молодёжи», а точнее — бандитские оргии, российские, да и другие СМИ заговорили о «протесте молодёжи». Вот, дескать, до чего докатилась проблема «отцов и детей» — борются с сытой буржуазной жизнью, хотят стряхнуть с себя наследие отцов — «пузатое» мещанство. Такие протесты имели место неоднократно и в сравнительно удалённом, да и недавнем прошлом. С охотой эта песенка запелась и леваками по всему миру. Кто ещё столь охоч до битья витрин, погрома и грабежа магазинов, как левая «революционная» молодёжь. Сытая и вполне обеспеченная, она имеет время и желание протестовать по любому поводу. Невольно на память приходят студенческие волнения в Париже, в мае 1968 г. Тогда казалось, что ещё напор — и орава студентов во главе с Кон-Бендитом захватит власть в Париже, а затем и во всей Франции. (Ненаблюдательный Кон-Бендит не заметил, что во взбудораженном им и его сторонниками Париже были и демонстрации с лозунгом «Кон-Бендита — в Освенцим», что весьма прозрачно намекало на этническое происхождение пламенного бунтаря.)

Ненавистному «революционерам» капитализму придёт конец. Не вышло, однако, краха капитализма. Вышел крах Кон-Бендита, который многие годы, пока не пролез в Европарламент, держал крохотную букинистическую лавчонку неподалёку от Франкфуртского университета.

Когда стало невозможным говорить просто о молодёжи, вышедшей на улицу, леваки и служащие им СМИ заговорили об этническом неравенстве, угнетении, доведшем некоренную нацию до состояния полной безысходности.

Это полное враньё, поскольку и образование, и последующая работа, вплоть до весьма высоких позиций, доступна в слабой зависимости от цвета кожи. Но не в слабой зависимости от желания работать. А его-то этой некоренной этнической группе и не хватает. Явление это отнюдь не уникальное. В США выведена целая порода сидельцев на пособия, занимающаяся этим несколько поколений.

Дело в том, что определённые, отнюдь не мизерные, потребности социальное пособие удовлетворяет. Той же силы, которая нужна, чтобы преодолеть природную лень, — у сидельцев на пособиях нет. Приятней и проще слушать внутренний баюкающий голос, который легко убеждает в том, что ты не достиг приличного положения в обществе, так как это «общество тебя не пустило», создав «железный», «бетонный» или «стеклянный» потолок. Взять ответственность за неуспешность на себя несопоставимо труднее. Грабить и крушить просто так дающее, но не в соответствии с постоянно и быстро растущими потребностями, общество проще, чем в нём, индивидуально для себя, находить нишу, потихоньку пробиваясь вверх.

Ситуация в Израиле давно идёт по похожему рельсам. Там роль «недополучивших» взяли на себя местные, израильские арабы, которые чуть что, бунтуют, и небольшие группки репатриантов, которые бунтовать хотели бы, да по ряду причин — не могут. Сейчас полным ходом идёт попытка создать подобную общественную прослойку не только из арабов (репатрианты пенсионного возраста, разумеется, не счёт), но и присоединить к ним шпану и провокаторов из среднего класса, в основном из евреев. И вот она уже шантажирует правительство. «Беспорядки в Великобритании должны послужить предупреждением премьер-министру Бенъямину Нетаньяху», заявили на днях члены Студенческого союза. «Предупреждение касается протестов, которые могут выйти из-под контроля, и того, что может случиться, если здесь общественность поймет, что диалог, который ведется с ней, является неискренним. Это может привести к еще большей ненависти, которая накапливается внутри», — пугают общество студенты.

Однако обществу стоит помнить посвоему не устаревшие студенческие лозунги мая 1968-го, например, «мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки», или «мы не будем ничего требовать и просить: мы возьмём и захватим». Их отношение к демократии характеризует лозунг, вольный перевод которого есть «голосуй, не голосуй, всё равно получишь...»

Из анализа прошлого опыта хорошо известно — правительству ни в коем случае не следует поддаваться на шантаж уличной стихии, идёт ли он от экономически «средних» или «слабых» слоёв населения. «Майские протесты» 1968 г. не окончились сами собой — их подавила армия по приказу президента де Голля. Равно как недавние погромы в пригородах Парижа и ряде других французских городов. Лишь полиция утихомирила страсти в Лондоне и других городах Великобритании.

Полезно иметь в виду, что грабила и крушила всё «буржуазное» толпа «угнетённых» в Лондоне из зависти к обеспеченным, потому ещё, что социальные пособия не вводят её в подобие истеблишмента. Да и есть длинный ряд предметов мелкой роскоши, которые на пособие недоступны.

Причина лёгкой готовности заметной части общества перейти к бунту — свидетельство неустойчивости социальной системы. Неустойчивость же — следствие высоких социальных гарантий, обеспечивающих прожиточный минимум при полном безделье.

Действительно, протест, который бушевал в Англии несколько дней и, так или иначе, проявляется не только там, — в значительной мере социальный. Действительно, виновата социальная система, позволяющая такому количеству сброды не думать о прожиточном минимуме. Бунтовать и безобразничать могут только люди, о реальном хлебе насущном могущие не думать. Если власть хочет избежать волнений, наподобие английских (а это в интересах всего общества), то ей следует сократить, притом резко, социальную помощь работоспособной молодёжи, и быть готовой применить силу в соответствии с законом. Государство — слишком дорогое достояние граждан, чтобы дать его разрушить хулиганам, да и не хулиганам тоже.

Наиболее опасный сценарий — это возобладание точки зрения: обществу надо ещё больше дать «сво-

им детям» — прав и материальных благ, с тем, чтобы «расшалившихся детей» успокоить. Следует ясно понять, что такой подход только поощряет хулиганов и грабителей. Уместно властям развитых стран не на словах, а на деле признать, что десятилетиями лелеемый подход, на новоязе именуемый мультикультуризмом, издох. И политика внутренняя должна строиться с учётом этого свершившегося факта.

Известен лозунг — «кто не работает, тот не ест». А не поевши не побунтуешь, не побесчинствуешь. Значит, простейший, и, на мой взгляд, правильный разговор демократически избранной власти с громящей толпой, да и, к слову сказать, с тель-авивскими «палаточными сидельцами» — отнюдь не политический диалог с набором уступок со стороны власти. В решении проблемы — важный элемент — это совершенствование социального законодательства с тем, чтобы помощь доставалась лишь в ней реально нуждающимся, т.е. уменьшение социальной халявы, позволяющей работоспособным и учащимся — не работать и не учиться.

Санкт-Петербург

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В. С.

Время Федотова

Никак не назовёшь имя Георгия Петровича Федотова забытым сегодня в нашей стране. Его книга «Святые Древней Руси», преодолев цензурные ограничения, вышла в 1990-м тиражом сто тысяч экземпляров и быстро разошлась. И это была не просто сенсация. Исследования по русской и западной святости, работы Федотова по истории Церкви прочно вошли в число наиболее читаемых у нас. Не забыты и иные его труды. На серьёзном научном уровне републикуются статьи Федотова, постепенно выходит и двенадцатитомное собрание его сочинений.

Завидная творческая судьба. И всё-таки... Политическая публицистика Федотова остаётся, несмотря ни на что, вопиюще недооценённой. И недооценённость эта на глазах растёт.

С чем это связано? Мы привыкли к пророческому типу политического публициста: события нашего шарика судит он обычно с метафизических высот. Но интересуют его не события, а собственные головокружительные концепции, раскрывающиеся на них; и меньше чем философом поклонники, да и сам публицист, его не именуют. Во избежание читательского гнева не рискнём подставлять имена.

К этому типу мистагога меньше всего относится Георгий Федотов. Ясность и точность взгляда — на факт: именно такой факт, какой он и есть. Оценка, вывод. Далеко не всегда окончательный. Ничего не поделаешь: данных мало. Пишем лишь то, что имеем моральное

право сказать. «Русскому человеку проще быть святым, чем честным», — обронил как-то — саркастически, но не без гордости за Отечество — Константин Леонтьев. Федотов доказал: русский человек может быть и честным тоже.

Личность и судьба таких, как Федотов, ясно различают оттенки слов. «Вся жизнь его была поиском», — этот штамп, по справедливости, применим и к многим современникам публициста. Но вот близкое слово «метания» — никак к Федотову не поставишь. В эпоху кривых кошмаров путь его поражает редкой классичностью прямоты.

С юных лет — увлечённость наукой, готовность не выходить из залов библиотек. И... революционная борьба. Диспуты в рабочих кружках, выступления на митингах. Сыплются и кары: арест сменяется арестом, ссылки по приговору — высылками из столицы. То в Германию (учёному для работы эта поездка весьма пригодилась). То в далёкую пустынную Ригу. Но не самодержавный гнёт менял постепенно настроения юноши. Он не только боролся с действительностью — он ещё и присматривался к ней. И понял: этот путь — в кровавый тупик.

Февраль 1917-го социалист Федотов встретил уже без надежд. За ближайшим историческим поворотом он ясно видел Октябрь.

Власть у большевиков. Бесчинствующая ЧК, поросшие травой улицы Петрограда... Тут уж не до правизи-

09/2011

ны, левизны. Петербургская интеллигенция живёт надеждой на Юденича.

Но вот война окончательно проиграна. Об отъезде пока не думается. Надо жить здесь. И Федотов — попробовал...

1922-й. Саратовский университет. Кафедра истории средних веков. Курс Федотова слушают два-три студента. Жизнь идёт тихо. Политикой Федотов, разумеется, не занимается. Да и политика интеллигенцией пока занимается вяло. Есть, конечно, новинки: типа шефства профессуры над ближайшим рабочим коллективом (пока ещё не наоборот). Что ж, затая достаточно невинная. Но принимать шефство профессура должна под красным знаменем. И странный чудак — наоборот отказывается. Потому что он — **социалист и христианин**. А процедура эта — **покушение на свободу**.

Это объяснение поразило коллег бессмысленностью. И наглостью. Ты что, лучше других? А если все не пойдут — что тогда? (А тогда — «вся история наша по-другому пошла бы», — ответит Солженицын полвека спустя).

Федотов оставляет Саратов. В Москве, в Петербурге работа его всё скромнее. Но обстановка повсюду та же. «Круговой порукой подлости» именуется учёный поведение коллег.

Федотов не просто не идёт на компромиссы. Он явно не понимает, что это такое. И лишь один компромисс с властью оказывается для него неизбежным. В 1925-м Георгий Петрович пользуется возможностью навсегда покинуть страну.

Мы пишем не биографию. Но мы подробно остановились на саратовском эпизоде федотовской судьбы. Именно такой человек должен был высказать **главное**. Когда придёт срок.

Срок пришёл далеко не сразу. Двадцатые годы были, в идейном плане, довольно просты для эмигрантской критики. «Мы расстреляем толстовскую бабу-Россию!» — откровенно пели большевики. И не только пели. Как говорится, дьявол не снимает обычно шляпу с рогов. И не заявляет: «Позвольте представиться». Но незабываемые 1920-е временем такой непосредственности как раз и были.

Но вот настал роковой год. 1934-й... Этот год наложил на нашу историю сильнейший отпечаток. Пока — даже и в перспективе — неискоренимый. И по эмиграции перемена сталинского курса нанесла сокрушительный удар. Беженца нетрудно поманить надеждой, эмигранты ловили каждый шанс на возрождение страны. «Ведь это уже не большевизм, правда?» Это **действительно** был уже не большевизм. И **чувствовавшие**, что российская катастрофа лишь усугубляется, на **рациональном уровне** часто бывали обречены на весьма шаткую аргументацию. «Что-что?

Большевики армию развалили? Расчленили страну? Батенька, да вы посмотрите...» На жалком уровне логики Сталин — ничего не поделаешь — действительно оказывался прав.

А тут ещё — вступал в действие и глубинный, метафизический пласт. «Третий Рим — Третий Интернационал... И вот он — опять Третий Рим...» Как кривились, должно быть, в усмешке кремлёвские усы от этих феерических изысканий...

Дьяволиаду эту мы и посейчас не надеемся расхлебать. И вот тут — приходят на помощь нам статьи Федотова.

Дальше нужно бы, по логике изложения, писать что-то уже и о самих статьях. Не станем. Читать их надо. Мы лишь постарались объяснить: почему именно «скромный» Федотов сказал тогда, в тридцатые годы, эти самые важные сегодня для нас слова.

«Русская история по Сталину: Маркс — Пугачёв — Иван Грозный. Осталось выкинуть Маркса. Да потеснить Пугачёва в пользу Ивана».

Федотов не метил в пророки. И потому пророческая формула будущего удалась именно ему.

Георгий Федотов

Как Сталин видит историю России?

Наконец-то дошла до нас долгожданная книжка проф. А. В. Шестакова «Краткий курс истории СССР» — учебник для 3 и 4 классов, одобренный, премированный, единственный пока в России элементарный курс русской истории, по которому миллионы детей и юношей будут знакомиться с прошлым своей родины. Три года со времени постановления Совета Народных Комиссаров и ЦК (16 мая 1934 года) с осуждением социологического засилья в школе страна дождалась новой, сталинской схемы своей истории. Борьба власти с наследием Покровского и с экономическим материализмом, казалось, обещала действительное оздоровление в этом педагогическом секторе. Но годы шли. С начала 1936 года особая (Ждановская) комиссия рассматривает проекты новых учебников. Сам Сталин, вместе с Кировым и Ждановым, три года тому назад дали свои директивы будущим авторам. И только теперь первый опыт появился в свет. Промедление понятно. Сталинская национальная идеология, поскольку, например, она отражается на страницах «Правды», настолько противоречива, что у самых смелых составителей должны были опускаться руки. Дело шло ни более ни менее как о том, чтобы сочетать Маркса с Александром Невским, Сталина с Петром Великим. А. В. Шестаков явился победителем на конкурсе 46 представленных учебников. Но первой премии не получил и он. Ждановское жюри заранее себя застраховало. Несомненно, каждая страница учебника инспирирована и исправлена. Рецензент официального органа партии «Большевик» (№ 17), понятно, не находит ни одного критического замечания. Но кто знает, сколько вредительских промахов обнаружится завтра?

Отдав должное прекрасной внешности, бумаге, картам, иллюстрациям, нельзя не сознаться, что книга Шестакова принесла нам большое разочарование. Это, правда, не социологическая схема, но это и не история. Правильно было бы её назвать конспектом агитатора. Самая тема её — в сущности, история русской революции. Непосредственно революции (с 1905 года) посвящена половина книги (117 стр. из 216). И большая часть первой половины занята революционными движениями и бичеванием старой России. Само собой разумеется, что история революции трактуется как история Сталина. Даже здесь искажена вся историческая перспектива. Жестоко расправляется автор с народничеством, эсеры и меньшевики с самого начала предатели, как и все сподвижники Ленина первого призыва. Несчастный школьник и не догадается о роли Троцкого в революции. Вся военная оборона её отдана Сталину, который неизменно сопровождает Ленина. С 1905 года имя Ленина почти ни разу не упоминается без его спутника. «Ленин и Сталин» соответствуют чете «Маркс и Энгельс». Только эта четвёрка и заслужила отдельные большие портреты в учебнике истории СССР.

Таким образом, вся история России, включая и XIX век, должна служить введением к Октябрю и его двум героям. Изложение сталинской конституции и портреты вельмож 1937 года (какая неосторожность!) завершают книгу.

Тем не менее, было бы несправедливо обойти молчанием и некоторые «достижения». Одним из них мы считаем первый опыт включения в историю России восточных её народов. Несколько строк, правда, — но грузины, узбеки или «казахи» могут узнать что-то о прошлом своего народа. Это налагает на сталинскую историю неумышленно евразийский отпечаток. Но другой и не может быть история империи или федерации. Однако и эта приятная новизна покупается ценой крупных недостатков. При чреватой краткости, внимание *русского* школьника разбивается между множеством этнографических имён. Русский процесс тускнеет, и память загромождается удивительными героями: Сарымани Датовыми, Амангельды Имановыми и проч. В противоположность этому вниманию к Востоку, западные соседи Руси, Польша, Литва, немцы, рисуются самыми чёрными красками (поляки не иначе именуются, как панами). О скифах южной России читатель узнаёт больше, чем о греках (о которых, вероятно, советский школьник третьего класса вообще ничего не знает). Поэтому греческая культура Византии (о которой дальше идёт речь), как и генезис европейского Запада, остаются загадкой. Запад вступает в русскую историю с французской революцией (с Маратом). Самые эти провалы драгоценны для нас как свидетельство нового национального сознания сталинской знати и её вождя. Сталин, несомненно, смотрит на историю России из Азии, точнее, с Кавказа. О личном корне советского евразийства напоминает подчёркнутое упоминание Грузии задолго до включения её в империю. Станным образом с Грузии (а не с Греции или скифов) и начинается история СССР: «Самые древние государства в нашей стране возникли на юге Закавказья. Это было около 3000 лет назад. Первое государство Закавказья называлось Урарту в районе Арарата... Это было государство родоначальников нынешней Грузии».

Вторым достижением можно было бы признать некоторые попытки реабилитации государства русского в древнейшие моменты его истории. Оптимисты, конечно, найдут в этом большое утешение. Но как робки и противоречивы эти попытки! Прежде всего, в социологическом введении, происхождение государства, совершенно по-марксистски, объясняется из классового господства и завоевания. В соответствии с этой вульгарной схемой, вся внутренняя история России, как и её соседей, изображается как классовое грабительство, вся внешняя — как захват. С утомительным однообразием, без всяких отличий, на всех уровнях культуры, продолжается это грабительство и эта эксплуатация.

09/2011

В сущности, такая точка зрения не допускает никакого развития или прогресса. Лишь успехи техники в новое время заполняют содержание культуры, остающейся в древние эпохи вполне загадочной для несчастного подневольного читателя. Естественно поэтому, что автор уделяет так много места всем не только революционным, но и просто бунтарским движениям, направленным против государства — в Киеве, в Новгороде, в Москве. Иной раз он высасывает их просто из пальца (например, глава «Стихийные восстания в Киевском княжестве»). Все разбойничьи атаманы именуются уважительно по имени и отчеству. Но тут возникает важное и, может быть, плодотворное противоречие. Государство русское, грабительское и захватническое с начала и до конца, представляется всё же положительным явлением, даже в имперской своей экспансии. Это специально подчёркивается для Украины (даже с грубой идеализацией присоединения) и для Грузии. Конечно, вся эта российская экспансия оправдывается телеологической ориентацией на революцию. Порабощённые Россией народы ждут своего конечного освобождения. Иначе говоря, становятся подданными Сталина. В этом ключ к основной двойственности всей концепции. Сталин чувствует себя преемником не только разбойников и казаков, но и царей российских, которые для него собирали и ширили государство. Царь-Пугачёв. Если бы Пугачёв заказал Швабрину в своё время учебник русской истории, он выглядел бы вроде шестаковского. Впрочем, у Пугачёва религиозный и монархический идеал власти скрепил бы лучше противоречивые элементы схемы. У Сталина и Шестакова мы не выходим из вопиющих противоречий. До известной степени, распределение красок выдерживается хронологически. До XVI века — положительный процесс построения государства. С XVII оно становится чистым объектом ненависти — фоном для революции. Об этом переломе оценки свидетельствуют самые заглавия глав:

1 — Наша родина в далёком прошлом. 2 — Киевское государство. 3 — Восточная Европа под властью московских завоевателей. 4 — Создание русского национального государства. 5 — Расширение русского государства. До сих пор рамки схемы, если не содержание, вполне удовлетворяют и историка, и русского националиста. Но с 6-й главы начинают сводиться счёты: 6 — Крестьянские войны и восстания угнетённых народов в XVII веке. 7 — Россия XVII века — империя помещиков и купцов. 8 — Царская Россия — жандарм Европы. Внутренне этот резкий перелом оценок ничем не мотивирован. Ведь империя — будущее царство Сталина — продолжает расширяться и в последующие века. Отметим некоторые абсурды, к которым автора приводит схема. Пётр I, в общем, герой положительный, и в борьбе со старой Русью, и в борьбе с внешними врагами. Но почему-то с бесспорным сочувствием изображается восстание Булавина («Кондратия Афанасьевича»), между тем как ни реакционные стрельцы, ни «изменник» Мазепа сочувствием не пользуются. Совершенно чудовищно Петру приписывается цель «укрепить силу и власть дворян». В событиях Смутного Времени внимание и сочувствие все время раздваивается между

героем Болотниковым и героем Мининым. Нужно принять и холопское восстание, и национальную оборону от панов. А что делать с Тушинским и прочими ворами, неизвестно (о них, к счастью, ни слова). А главное, как построить цельный взгляд на смуту?

Обращаемся к древнейшему, ныне реабилитированному периоду. Сколько и здесь недомыслия и неувязок. Славяне, «храбрые и мужественные», славно бьют греческие войска. Варяги, в таких же походах на Византию, оказываются просто «разбойничьими шайками». Первые князья, даже легендарные, удостоены и легендарных характеристик. Хорошо, что русский школьник будет знать имя Рюрика и Олега, слышать рассказы о мщении Ольги и подвигах Святослава. Но это было бы хорошо, как легендарный пролог к героической истории. А истории-то и нет. Даже Святослав и Владимир занимаются грабежом. Ярослав создает Русскую Правду, как свод правил, чтобы «оберегать права рабовладельцев, владельцев земель и купцов». Принятие христианства подчёркнуто объявляется «шагом вперед». Но мотивом крещения для Ольги и Владимира выставлено желание «укрепить княжескую власть содействием греческого духовенства». Само крещение изображается в тонах глумления: «Греческие попы читали над стоящим в воде народом свои молитвы. Это называлось крещением».

Известно, что Сталин реабилитировал Александра Невского. Но как испакощен Великий Новгород — с точки зрения классово-борьбы! Никакого сочувствия к республиканской свободе. Вся ненависть направлена на аристократизм его боярского строя. Довольно объективно изображается монгольское иго — не только в России, но и в Азии. Здесь грузинский патриотизм Сталина отверг евразийско-татарскую схему. С сочувствием изображается роль Москвы в её освободительно-объединительном деле. Но так как не умалчивается об имморализме её политики, то эти главы должны быть признаны наиболее циничными и деморализующими в воспитании нового национального чувства. Не без удовольствия мы узнаём, что настоящий сталинский герой — это Иван Грозный (после Ивана III). Изображение его царствования свободно от всякого обличительства. Вся вина за его характер и за опричнину возлагается на боярство.

Но довольно. Уже достаточно ясно, какой характер носит сталинский национализм. В истории России он приемлет её экспансию, оставаясь совершенно чуждым внутреннему содержанию русской культуры. Только это и отличает его от традиционного черносотенства, в которое он сплошь и рядом скатывается. Против аристократической свободы (Новгород) за демократическое самодержавие (Грозный и Пугачёв) — такова политическая установка Сталина.

Сейчас нас поражает бессвязность и противоречивость выполнения этой политической схемы. Книжка Шестакова даже не мозаика, а костюм, сшитый из лоскутков, — сплошная заплата. Как сочетать Маркса, Грозного и Пугачёва, Сталин и сам не знает. Он неуклюже топчется в новой для него области. Временами он делает открытия — Александр Невский,

прогрессивное значение христианства. Но так как эти открытия случайны и бессвязны, и пришиваются эти лоскутки к основному — не марксистскому, но бакунинскому — красному пиджаку, то получается безвкусный и даже шутовской наряд. Учебник Шестакова отражает бесстыльность настоящего дня русской культуры. В том состоянии рабства, в котором она находится, всякая независимая мысль, научная, патриотическая, революционная — заранее исключается в необходимом деле построения национально-исторического синтеза. В России думать разрешено одному

Сталину. К сожалению, мысль Сталина ворочается с тяжестью мельничных жерновов. Не сомневаюсь, что опыт Шестакова (Сталин 1937 года) скоро будет объявлен вредительским. Но когда ещё новый синтез найдет своё выражение! И даже оформленный, он сулит мало радости нам и России. В сущности, дело идёт только о том, чтобы из триады национальных героев окончательно исключить Маркса и потеснить Пугачёва в пользу Грозного. На большее в царствование Иосифа Джугашвили рассчитывать не приходится.

10.10.1937

Иван Павлов

О русском уме

НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ АКАДЕМИКА ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПАВЛОВА. ПРОЧИТАНА В 1918 Г. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Милостивые государи! Заранее прошу меня простить, что в гнетущее время, которое мы все переживаем, я сейчас буду говорить о довольно печальных вещах. Но мне думается или, вернее сказать, я чувствую, что наша интеллигенция, т. е. мозг родины, в погребальный час великой России не имеет права на радость и веселье. У нас должна быть одна потребность, одна обязанность — охранять единственно нам оставшееся достоинство: смотреть на самих себя и окружающее без самообмана. Побуждаемый этим мотивом, я почёл своим долгом и позволил себе привлечь ваше внимание к моим жизненным впечатлениям и наблюдениям относительно нашего русского ума.

Три недели тому назад я уже приступил к этой теме и сейчас вкратце напомню и воспроизведу общую конструкцию моих лекций. Ум — это такая огромная, расплывчатая тема! Как к ней приступить? Смею думать, что мне удалось упростить эту задачу без потери деловитости. Я поступил в этом отношении чисто практически. Отказавшись от философских и психологических определений ума, я остановился на одном сорте ума, мне хорошо известном отчасти по личному опыту в научной лаборатории, частью литературно, именно на научном уме и специально на естественнонаучном уме, который разрабатывает положительные науки.

Рассматривая, какие задачи преследует естественнонаучный ум и как задачи он эти достигает, я, таким образом, определил назначение ума, его свойства, те приёмы, которыми он пользуется для того, чтобы его работа была плодотворна. Из этого моего сообщения стало ясно, что задача естественнонаучного ума состоит в том, что он в маленьком уголке действительности, которую он выбирает и приглашает в свой кабинет, старается правильно, ясно рассмотреть эту действительность и познать её элементы, состав, связь элементов, последовательность их и т. д., при этом так познать, чтобы можно было предсказывать действительность и управлять ею, если это в пределах его технических и материальных средств. Таким образом, главная задача ума — это правильное видение действительности,

ясное и точное познание её. Затем я обратился к тому, как этот ум работает. Я перебрал все свойства, все приёмы ума, которые практикуются при этой работе и обеспечивают успех дела. Правильность, целесообразность работы ума, конечно, легко определяется и проверяется результатами этой работы. Если ум работает плохо, стреляет мимо, то ясно, что не будет и хороших результатов, цель останется недостигнутой.

Мы, следовательно, вполне можем составить точное понятие о тех свойствах и приёмах, какими обладает надлежащий, действующий ум. Я установил восемь таких общих свойств, приёмов ума, которые и перечислю сегодня специально в приложении к русскому уму. Что взять из русского ума для сопоставления, сравнения с этим идеальным естественнонаучным умом? В чём видеть русский ум? На этом вопросе необходимо остановиться. Конечно, отчетливо выступает несколько видов ума.

09/2011

Во-первых, научный русский ум, участвующий в разработке русской науки. Я думаю, что на этом уме мне останавливаться не приходится, и вот почему. Это ум до некоторой степени оранжерейный, работающий в особой обстановке. Он выбирает маленький уголок действительности, ставит её в чрезвычайные условия, подходит к ней с выработанными заранее методами, мало того, этот ум обращается к действительности, когда она уже систематизирована и работает вне жизненной необходимости, вне страстей и т. д. Значит, в целом это работа облегчённая и особенная, работа далеко идущая от работы того ума, который действует в жизни. Характеристика этого ума может говорить лишь об умственных возможностях нации.

Далее. Этот ум есть ум частичный, касающийся очень небольшой части народа, и он не мог бы характеризовать весь народный ум в целом. Количество учёных, я разумею, конечно, истинно учёных, особенно в отсталых странах, очень небольшое. По статистике одного американского астронома, занявшегося определением научной производительности различных народов, наша русская производительность ничтожная. Она в несколько десятков раз меньше производительности передовых культурных стран Европы.

Затем, научный ум относительно мало влияет на жизнь и историю. Ведь наука только в последнее время получила значение в жизни и заняла первенствующее место в немногих странах. История же шла вне научного влияния, она определялась работой другого ума, и судьба государства от научного ума не зависит. В доказательство этого мы имеем чрезвычайно резкие факты. Возьмите Польшу. Польша поставила миру величайшего гения, гения из гениев — Коперника. И, однако, это не помешало Польше окончить свою политическую жизнь так трагически. Или обратимся к России. Мы десять лет назад похоронили нашего гения Менделеева, но это не помешало России прийти к тому положению, в котором она сейчас находится. Поэтому, мне кажется, я прав, если в дальнейшем не буду учитывать научного ума.

Но тогда каким же умом я займусь? Очевидно, массовым, общежизненным умом, который определяет судьбу народа. Но массовый ум придется подразделить. Это будет, во-первых, ум низших масс и затем — ум интеллигентский. Мне кажется, что если говорить об общежизненном уме, определяющем судьбу народа, то ум низших масс придется оставить в стороне.

Возьмем в России этот массовый, т. е. крестьянский ум по преимуществу. Где мы его видим? Неужели в неизменном трёхполье, или в том, что и до сих пор по деревням летом безвозбранно гуляет красный петух, или в бестолочи волостных сходо́в? Здесь осталось то же невежество, какое было и сотни лет назад. Недавно я прочитал в газетах, что, когда солдаты возвращались с турецкого фронта, из-за опасности разноса чумы хотели устроить карантин. Но солдаты на это не согласились и прямо говорили: «Плевать нам на этот карантин, всё это буржуазные выдумки».

Или другой случай. Как-то, несколько недель тому назад, в самый разгар большевистской власти мою

прислугу посетил её брат, матрос, конечно, социалист до мозга костей. Всё зло, как и полагается, он видел в буржуах, причём под буржуями разумелись все, кроме матросов, солдат. Когда ему заметили, что едва ли вы сможете обойтись без буржуев, например, появится холера, что вы станете делать без докторов? — он торжественно ответил, что всё это пустяки.

«Ведь это уже давно известно, что холеру выпускают сами доктора».

Стоит ли говорить о таком уме и можно ли на него возлагать какую-нибудь ответственность?

Поэтому-то я и думаю, что то, о чём стоит говорить и характеризовать, то, что имеет значение, определяя суть будущего, — это, конечно, есть ум интеллигентский. И его характеристика интересна, его свойства важны. Мне кажется, что то, что произошло сейчас в России, есть, безусловно, дело интеллигентского ума, массы же сыграли совершенно пассивную роль, они восприняли то движение, по которому её направляла интеллигенция. Отказываться от этого, я полагаю, было бы несправедливо, недостойно. Ведь если реакционная мысль стояла на принципе власти и порядка и его только и проводила в жизнь, а вместе с тем отсутствием законности и просвещения держала народные массы в диком состоянии, то, с другой стороны, следует признать, что прогрессивная мысль не столько старалась о просвещении и культивировании народа, сколько о его революционировании.

Я думаю, что мы с вами достаточно образованны, чтобы признать, что то, что произошло, не есть случайность, а имеет свои осознательные причины, и эти причины лежат в нас самих, в наших свойствах. Однако мне могут возразить следующее. Как же я обращаюсь к этому интеллигентскому уму с критерием, который я установил относительно ума научного? Будет ли это целесообразно и справедливо? А почему нет? — спрощу я. Ведь у каждого ума одна задача — это правильно видеть действительность, понимать её и соответственно этому держаться. Нельзя представить ум существующим лишь для забавы. Он должен иметь свои задачи и, как вы видите, эти задачи и в том, и в другом случае одни и те же.

Разница лишь в следующем: научный ум имеет дело с маленьким уголком действительности, а ум обычный имеет дело со всей жизнью. Задача по существу одна и та же, но более сложная, можно только сказать, что здесь тем более выступает настоятельность тех приёмов, которыми пользуется в работе ум вообще. Если требуются известные качества от научного ума, то от жизненного ума они требуются в ещё большей степени. И это понятно. Если я лично или кто-либо другой оказались не на высоте, не обнаружили нужных качеств, ошиблись в научной работе, беда небольшая. Я потерю напрасно известное число животных, и этим дело кончается. Ответственность же общежизненного ума больше. Ибо, если в том, что происходит сейчас, виноваты мы сами, эта ответственность грандиозна.

Таким образом, мне кажется, я могу обратиться к интеллигентскому уму и посмотреть, насколько в нём есть те свойства и приёмы, которые необходимы научному уму для плодотворной работы.

Первое свойство ума, которое я установил, — это чрезвычайное сосредоточение мысли, стремление мысли безотступно думать, держаться на том вопросе, который намечен для разрешения, держаться дни, недели, месяцы, годы, а в иных случаях и всю жизнь. Как в этом отношении обстоит с русским умом? Мне кажется, мы не склонны к сосредоточенности, не любим её, мы даже к ней отрицательно относимся. Я приведу ряд случаев из жизни.

Возьмём наши споры. Они характеризуются чрезвычайной расплывчатостью, мы очень скоро уходим от основной темы. Это наша черта. Возьмём наши заседания. У нас теперь так много всяких заседаний, комиссий. До чего эти заседания длинны, многоречивы и в большинстве случаев безрезультатны и противоречивы! Мы проводим многие часы в бесплодных, ни к чему не ведущих разговорах. Ставится на обсуждение тема, и сначала обыкновенно и благодаря тому, что задача сложная, охотников говорить нет. Но вот выступает один голос, и после этого уже все хотят говорить, говорить без всякого толку, не подумав хорошенько о теме, не уясняя себе, осложняется ли этим решение вопроса или ускоряется. Подаются бесконечные реплики, на которые тратится больше времени, чем на основной предмет, и наши разговоры растут, как снежный ком. И в конце концов вместо решения получается запутывание вопроса.

Мне в одной коллегии пришлось заседать вместе со знакомым, который состоял раньше членом одной из западноевропейских коллегий. И он не мог удивиться продолжительности и бесплодности наших заседаний. Он удивлялся: «Почему вы так много говорите, а результатов ваших разговоров не видеть?»

Дальше. Обратитесь к занимающимся русским людям, например к студентам. Каково у них отношение к этой черте ума, к сосредоточенности мыслей? Господа! Все вы знаете — стоит нам увидеть человека, который привязался к делу, сидит над книгой, вдумывается, не отвлекается, не впутывается в споры, и у нас уже зарождается подозрение: недалёкий, тупой человек, зубрила. А быть может, это человек, которого мысль захватывает целиком, который пристрастился к своей идее! Или в обществе, в разговоре, стоит человеку расспрашивать, переспрашивать, допытываться, на поставленный вопрос отвечать прямо — у нас уже готов эпитет: неумный, недалёкий, тяжелодум!

Очевидно, у нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налёт. Это, очевидно, мы и считаем признаком талантливости; кропотливость же и усидчивость для нас плохо вяжутся с представлением о даровитости. А между тем для настоящего ума эта вдумчивость, остановка на одном предмете есть нормальная вещь. Я слышал от учеников Гельмгольца, что он никогда не давал ответа сразу на самые простые вопросы. Сплошь и рядом он говорил потом, что этот вопрос вообще пустой, не имеет никакого смысла, и тем не менее он думал над ним несколько дней. Возьмите в нашей специальности. Как только человек привязался к одному вопросу, у нас сейчас же говорят: «А! Это скучный специалист».

И посмотрите, как к этим специалистам прислушиваются на Западе, их ценят и уважают как знатоков своего дела. Неудивительно! Ведь вся наша жизнь движется этими специалистами, а для нас это скучно.

Сколько раз приходилось встречаться с таким фактом. Кто-нибудь из нас разрабатывает определённую область науки, он к ней пристрастился, он достигает хороших и больших результатов, он каждый раз сообщает о своих фактах, работах. И знаете, как публика на это реагирует: «А, этот! Он все о своём». Пусть даже это большая и важная научная область. Нет, нам это скучно, нам подавай новое. Но что же? Эта быстрота, подвижность, характеризует она силу ума или его слабость?

Возьмите гениальных людей. Ведь они сами говорят, что не видят никакой разницы между собой и другими людьми, кроме одной черты, что могут сосредоточиваться на определённой мысли как никто. И тогда ясно, что эта сосредоточенность есть сила, а подвижность, беготня мысли есть слабость.

Если бы я с высот этих гениев спустился к лаборатории, к работе средних людей, я и здесь нашел бы подтверждение этому. В прошлой лекции я приводил основание о своём праве на эту тему.

Уже 18 лет, как я занимаюсь изучением высшей нервной деятельности на одном близком и родном для нас животном, на нашем друге — собаке. И можно себе представить, что то, что в нас сложно, у собаки проще, легче выступает и оценивается. Я воспользуюсь этим случаем, чтобы показать вам это, показать, что является силой — сосредоточенность или подвижность. Я передам вам результаты в ускоренной форме, я просто опишу вам конкретный случай.

Я беру собаку, никакой неприятности я ей не делаю. Я её просто ставлю на стол и изредка подкармливаю, и при этом делаю над ней следующий опыт. Я вырабатываю у неё то, что принято называть ассоциацией, например, я действую ей на её ухо каким-нибудь тоном, положим, в течение 10 секунд и всегда вслед за этим кормлю её. Таким образом после нескольких повторений у собаки образовывается связь, ассоциация между этим тоном и едой. Перед этими опытами мы собак не кормим, и такая связь образуется очень быстро. Как только пускается наш тон, собака начинает беспокоиться, облизываться, у неё течет слюна. Словом, у собаки появляется та же реакция, какая обычно бывает перед едой. Говоря попросту, у собаки вместе со звуком возникает мысль об еде и остаётся несколько секунд, пока ей не дадут есть.

Что же выходит при этом с разными животными? А вот что. Один сорт животных, сколько бы вы опыты ни повторяли, относится совершенно так, как я описал. На каждое появление звука собака даёт эту пищевую реакцию, и так остаётся всё время — и месяц, и два, и год. Ну, одно можно сказать, что это деловая собака. Еда — дело серьёзное, и животное к нему стремится, готовится. Так обстоит дело у серьёзных собак. Таких собак можно отличить даже в жизни; это спокойные, несуетливые, основательные животные.

А у других собак, чем дольше вы повторяете этот опыт, тем больше они становятся вялыми, сонливыми,

09/2011

и до такой степени, что вы съёте в рот еду, и только тогда животное даёт эту пищевую реакцию и начинает есть. И всё дело в вашем звуке, потому что, если вы этого звука не пускаете или пускаете его лишь на секунду, такого состояния не получается, этого сна не наступает. Вы видите, что для некоторых собак мысль об еде даже в течение одной минуты невыносима, им уже требуется отдых. Они устают и начинают спать, отказываясь от такого важного дела, как еда. Ясно, что мы имеем два типа нервной системы, один крепкий, солидный, работоспособный, а другой — рыхлый, дряблый, очень скоро устающий. И нельзя сомневаться, что первый тип является более сильным, более приспособленным к жизни.

Перенесите это же на человека, и вы убедитесь, что сила не в подвижности, не в рассеянности мысли, а в сосредоточенности, устойчивости. Подвижность ума, следовательно, недостаток, но не достоинство.

Господа! Второй прием ума — это стремление мысли прийти в непосредственное общение с действительностью, минуя все перегородки и сигналы, которые стоят между действительностью и познающим умом. В науке нельзя обойтись без методики, без посредников, и ум всегда разбирается в этой методике, чтоб она не исказила действительности. Мы знаем, что судьба всей нашей работы зависит от правильной методики. Неверна методика, неправильно передают действительность сигналы — и вы получаете неверные, ошибочные, фальшивые факты. Конечно, методика для научного ума — только первый посредник. За ней идет другой посредник — это слово.

Слово — тоже сигнал, оно может быть подходящим и неподходящим, точным и неточным. Я могу представить вам очень яркий пример. Учёные-нагуралисты, которые много работали сами, которые на многих пунктах обращались к действительности непосредственно, такие учёные крайне затрудняются читать лекции о том, чего они сами не проделали. Значит, какая огромная разница между тем, что вы проделали сами, и между тем, что знаете по письму, по передаче других. Настолько резкая разница, что неловко читать о том, чего сам не видел, не делал. Такая заметка идёт, между прочим, и от Гельмгольца. Посмотрим, как держится в этом отношении русский интеллигентский ум.

Я начну со случая, мне хорошо известного. Я читаю физиологию, науку практическую. Теперь стало общим требованием, чтобы такие экспериментальные науки и читались демонстративно, предъявлялись в виде опытов, фактов. Так поступают остальные, так веду своё дело и я. Все мои лекции состоят из демонстраций. И что же вы думаете! Я не видел никакого особенного пристрастия у студентов к той деятельности, которую я им показываю. Сколько я обращался к своим слушателям, столько я говорил им, что не читаю вам физиологию, я вам показываю. Если бы я читал, вы бы могли меня не слушать, вы могли бы прочесть это по книге, почему я лучше других! Но я вам показываю факты, которых в книге вы не увидите, а потому, чтобы время не пропало даром, возьмите маленький труд. Выберите пять минут времени и заметьте для

памяти после лекции, что вы видели. И я оставался гласом вопиющего в пустыне. Едва ли хотя бы один когда-либо последовал моему совету. Я в этом тысячу раз убеждался из разговоров на экзаменах и т. д.

Вы видите, до чего русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует. Что мы действительно живём словами, это доказывают такие факты. Физиология — как наука — опирается на другие научные дисциплины. Физиологу на каждом шагу приходится обращаться к элементам физики, химии. И, представьте себе, мой долгий преподавательский опыт показал мне, что молодые люди, приступающие к изучению физиологии, т. е. прошедшие среднюю школу, реального представления о самих элементах физики, химии не имеют. Вам не могут объяснить факта, с которого мы начинаем жизнь нашу, не могут объяснить толком, каким образом к ребенку поступает молоко матери, не понимают механизма сосания.

А механизм этот до крайности прост, вся суть в разнице давления между атмосферным воздухом и полостью рта ребенка. Тот же закон Бойля-Мариотта лежит в основе дыхания. Так вот, совершенно такое же явление продельывает сердце, когда оно получает кровь венозной системы. И этот вопрос о присасывающем действии грудной клетки — самый убийственный вопрос на экзамене не только для студентов, а даже и для докторов. (Смех.) Это не забавно, это ужасно! Это приговор над русской мыслью, она знает только слова и не хочет прикоснуться к действительности. Я иллюстрирую это ещё более ярким случаем. Несколько лет назад профессор Манассеин, редактор «Врача», посылает мне статью, полученную им от товарища, которого знает как очень вдумчивого человека. Но так как эта статья специальная, то он и просил меня высказать своё мнение. Работа эта называлась «Новая движущая сила в кровообращении». И что же? Этот занимающийся человек только к сорока годам понял это присасывающее действие грудной клетки и был настолько поражён, что вообразил, что это целое открытие. Странная вещь! Человек всю жизнь учился и только к сорока годам постиг такую элементарную вещь.

(Манассеин Вячеслав Авксентьевич (1841–1901), клиницист, общественный деятель, профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, редактор журнала «Русский врач»).

Таким образом, господа, вы видите, что русская мысль совершенно не применяет критики метода, т. е. несколько не проверяет смысла слов, не идёт за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность. Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни. Я вам приводил примеры относительно студентов и докторов. Но почему эти примеры относить только к студентам, докторам? Ведь это общая, характерная черта русского ума. Если ум пишет разные алгебраические формулы и не умеет их приложить к жизни, не понимает их значения, то почему вы думаете, что он говорит слова и понимает их.

Возьмите вы русскую публику, бывающую на прениях. Это обычная вещь, что одинаково страстно хлопают и говорящему «за», и говорящему «против».

Разве это говорит о понимании? Ведь истина одна, ведь действительность не может быть в одно и то же время и белой, и чёрной.

Я припоминаю одно врачебное собрание, на котором председательствовал покойный Сергей Петрович Боткин. Выступили два докладчика, возражая друг другу; оба хорошо говорили, оба были хлесткие, и публика аплодировала и тому, и другому. И я помню, что председатель тогда сказал: «Я вижу, что публика ещё не созрела до решения этого вопроса, и потому я снимаю его с очереди». Ведь ясно, что действительность одна. Что же вы одобряете и в том, и в другом случае? Красивую словесную гимнастику, фейерверк слов.

Возьмите другой факт, который поражает сейчас. Это факт распространяемости слухов. Серьёзный человек сообщает серьёзную вещь. Ведь сообщает не слова, а факты, но тогда вы должны дать гарантию, что ваши слова действительно идут за фактами. Этого нет. Мы знаем, конечно, что у каждого есть слабость производить сенсацию, каждый любит что-либо прибавить, но всё-таки нужна же когда-нибудь и критика, проверка. И этого у нас и не полагается. Мы главным образом интересуемся и оперируем словами, мало заботясь о том, какова действительность.

Перейдём к следующему качеству ума. Это свобода, абсолютная свобода мысли, свобода, доходящая прямо до абсурдных вещей, до того, чтобы сметь отвергнуть то, что установлено в науке, как непреложное. Если я такой смелости, такой свободы не допущу, я нового никогда не увижу. <...> Есть ли у нас эта свобода? Надо сказать, что нет. Я помню мои студенческие годы. Говорить что-либо против общего настроения было невозможно. Вас стаскивали с места, называли чуть ли не шпионом. Но это бывает у нас не только в молодые годы. Разве наши представители в Государственной Думе не враги друг другу? Они не политические противники, а именно враги. Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы, сразу же предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и т. д. Какая же это свобода?

И вот вам ещё пример к предыдущему. Мы всегда в восторге повторяли слово «свобода», и когда доходит до действительности, то получается полное третирование свободы.

Следующее качество ума — это привязанность мысли к той идее, на которой вы остановились. Если нет привязанности — нет и энергии, нет и успеха. Вы должны любить свою идею, чтобы стараться для её оправдания. Но затем наступает критический момент. Вы родили идею, она ваша, она вам дорога, но вы вместе с тем должны быть беспристрастны. И если что-нибудь оказывается противным вашей идее, вы должны её принести в жертву, должны от неё отказаться. Значит, привязанность, связанная с абсолютным беспристрастием, — такова следующая черта ума. Вот почему одно из мучений ученого человека — это постоянные сомнения, когда возникает новая подробность, новое обстоятельство. Вы с тревогой смотрите, что эта новая подробность: за тебя или против тебя. И долгими опытами решается вопрос: смерть вашей

идее, или она уцелела? Посмотрим, что в этом отношении у нас. Привязанность у нас есть. Много таких, которые стоят на определённой идее. Но абсолютного беспристрастия — его нет.

Мы глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны действительности. В настоящий, переживаемый нами момент я не знаю даже, стоит ли и приводить примеры.

Следующая, пятая черта — это обстоятельство, детальность мысли. Что такое действительность? Это есть воплощение различных условий, степени, меры, веса, числа. Вне этого действительности нет. Возьмите астрономию, вспомните, как произошло открытие Нептуна. Когда расчисляли движение Урана, то нашли, что в цифрах чего-то недостаёт, решили, что должна быть ещё какая-то масса, которая влияет на движение Урана. И этой массой оказался Нептун. Всё дело заключалось в детальности мысли. И тогда так и говорили, что Леверье кончиком пера открыл Нептун.

То же самое, если вы спуститесь и к сложности жизни. Сколько раз какое-либо маленькое явление, которое едва уловил ваш взгляд, перевёртывает всё вверх дном и является началом нового открытия. Всё дело в детальной оценке подробностей, условий. Это основная черта ума. Что же? Как эта черта в русском уме? Очень плохо. Мы оперируем насковзь общими положениями, мы не хотим знать ни с мерой, ни с числом. Мы всё достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта.

Возьмите пример из сферы воспитания. Есть общее положение — свобода воспитания. И вы знаете, что мы доходим до того, что осуществляем школы без всякой дисциплины. Это, конечно, величайшая ошибка, недоразумение. Другие нации это отчётливо уловили, и у них идут рядом и свобода, и дисциплина, а у нас непременно крайности в угоду общему положению. В настоящее время к уяснению этого вопроса приходит и физиологическая наука. И теперь совершенно ясно, бесспорно, что свобода и дисциплина — это абсолютно равноправные вещи. То, что мы называем свободой, то у нас на физиологическом языке называется раздражением <...> то, что обычно зовётся дисциплиной — физиологически соответствует понятию «торможение». И оказывается, что вся нервная деятельность слагается из этих двух процессов — из возбуждения и торможения. И, если хотите, второе имеет даже большее значение. Раздражение — это нечто хаотическое, а торможение вставляет эту хаотичность в рамки.

Возьмём другой животрепещущий пример, нашу социал-демократию. Она содержит известную правду, конечно, не полную правду, ибо никто не может претендовать на правду абсолютную. Для тех стран, где заводская промышленность начинает стягивать огромные массы, для этих стран, конечно, выступает большой вопрос: сохранить энергию, уберечь жизнь и здоровье рабочего. Далее, культурные классы, интеллигенция обыкновенно имеют стремление к вырождению. На смену должны подыматься из народной

09/2011

глубины новые силы. И конечно, в этой борьбе между трудом и капиталом государство должно стать на охрану рабочего.

Но это совершенно частный вопрос, и он имеет большое значение там, где сильно развилась промышленная деятельность. А что же у нас? Что сделали из этого мы? Мы загнали эту идею до диктатуры пролетариата. Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является ещё грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план. И всё это, конечно, обречено на гибель, как слепое отрицание действительности.

У нас есть пословица: «Что русскому здорово, то немцу — смерть», пословица, в которой чуть ли не заключается похвальба своей дикостью. Но я думаю, что гораздо справедливее было бы сказать наоборот: «То, что здорово немцу, то русскому — смерть». Я верю, что социал-демократы немцы приобретут ещё новую силу, а мы из-за нашей русской социал-демократии, быть может, кончим наше политическое существование.

Перед революцией русский человек млеял уже давно. Как же! У французов была революция, а у нас нет! Ну и что же, готовились мы к революции, изучали её? Нет, мы этого не делали. Мы только теперь, задним числом, набросились на книги и читаем. Я думаю, что этим надо было заниматься раньше. Но раньше мы лишь оперировали общими понятиями, словами, что, вот, бывают революции, что была такая революция у французов, что к ней прилагается эпитет «Великая», а у нас революции нет. И только теперь мы стали изучать французскую революцию, знакомиться с ней.

Но я скажу, что нам было бы гораздо полезнее читать не историю французской революции, а историю конца Польши. Мы были бы больше поражены сходством того, что происходит у нас, с историей Польши, чем сходством с французской революцией.

В настоящее время этот пункт уже стал достоянием лабораторных опытов. Это поучительно. Это стремление к общим положениям, это далёкое от действительности обобщение, которым мы гордимся и на которое полагаемся, есть примитивное свойство нервной деятельности. Я вам уже говорил, как мы образовываем различные связи, ассоциации между раздражителями из внешнего мира и пищевой реакцией животного. И вот, если мы образуем такую связь на звук органной трубы, вначале будут действовать и другие звуки, и они будут вызывать пищевую реакцию. Получается обобщение. Это основной факт. И должно пройти известное время, вы должны применить специальные меры для того, чтобы действующим остался лишь один определённый звук. Вы поступаете таким образом, что при пробе других звуков животное не подкармливаете и благодаря этому создаете дифференцировку.

Любопытно, что в этом отношении животные резко отличаются между собой. Одна собака эту общую генерализацию удерживает очень долго и с трудом сменяет на деловую и целесообразную специализацию. У других же собак это совершается быстро. Или другая комбинация опытов. Если вы возьмёте

и прибавите к этому звуку ещё какое-нибудь действие на собаку, например станете чесать ей кожу, и если вы во время такого одновременного действия и звука и чесания давать еды не будете, что из этого выйдет?

Собаки здесь опять разделяются на две категории. У одной собаки произойдёт следующее. Так как вы во время одного звука её кормите, а во время действия и звука и чесания не кормите, то у неё очень скоро образуется различие. На один звук она будет давать пищевую реакцию, а когда вы к звуку прибавите чесание, она будет оставаться в покое. А знаете, что получится у других собак? У них не только не образуется такого делового различия, а, наоборот, образуется пищевая реакция и на это прибавочное раздражение, т.е. на одно чесание, которое ни само по себе, ни в комбинации со звуком никогда не сопровождается едой. Видите, какая путаница, неделовитость, неприспособленность. Такова цена этой обобщённости. Ясно, что она не есть достоинство, не есть сила.

Следующее свойство ума — это стремление научной мысли к простоте. Простота и ясность — это идеал познания. Вы знаете, что в технике самое простое решение задачи — это и самое ценное. Сложное достижение ничего не стоит. Точно так же мы очень хорошо знаем, что основной признак гениального ума — это простота. Как же мы, русские, относимся к этому свойству? В каком почёте у нас этот приём, покажут следующие факты.

Я на своих лекциях стою на том, чтобы меня все понимали. Я не могу читать, если знаю, что моя мысль входит не так, как я её понимаю сам. Поэтому у меня первое условие с моими слушателями, чтобы они меня прерывали хотя бы на полуслове, если им что-нибудь непонятно. Иначе для меня нет никакого интереса читать. Я даю право прерывать меня на каждом слове, но я этого не могу добиться. Я, конечно, учитываю различные условия, которые могут делать моё предложение неприемлемым. Боятся, чтобы не считали выскочкой и т.д. Я даю полную гарантию, что это никакого значения на экзаменах не будет иметь, и своё слово исполняю.

Почему же не пользуются этим правом? Понимают? Нет. И тем не менее молчат, равнодушно относясь к своему непониманию. Нет стремления понять предмет вполне, взять его в свои руки. У меня есть примеры поуще этого. Чрез мою лабораторию прошло много людей разных возрастов, разных компетенций, разных национальностей. И вот факт, который неизменно повторялся, что отношение этих гостей ко всему, что они видят, резко различно. Русский человек, не знаю почему, не стремится понять то, что он видит. Он не задает вопросов с тем, чтобы овладеть предметом, чего никогда не допустит иностранец. Иностранец никогда не удержится от вопроса. Бывали у меня одновременно и русские, и иностранцы. И в то время, как русский поддакивает, на самом деле не понимая, иностранец непременно допытывается до корня дела. И это проходит насквозь красной нитью через всё.

Можно представить в этом отношении много и других фактов. Мне как-то пришлось исторически исследовать

довать моего предшественника на кафедре физиологии профессора Велланского. Он был, собственно, не физиолог, а контрабандный философ. Я знаю доподлинно от профессора Ростиславова, что в свое время этот Велланский производил чрезвычайный фурор. Его аудитория была всегда целиком набита людьми разных возрастов, сословий и полов. И что же? И от Ростиславова я слышал, что аудитория восторгалась, ничего не понимая, и у самого Велланского я нашел жалобу, что слушателей у него много, охотных, страстных, но никто его не понимает. Тогда я поинтересовался прочесть его лекции и убедился, что там и понимать было нечего, до такой степени это была бесплодная натурфилософия. А публика восторгалась.

Вообще у нашей публики есть какое-то стремление к туманному и тёмному. Я помню, в каком-то научном обществе делался интересный доклад. При выходе было много голосов: «Гениально!». А один энтузиаст прямо кричал: «Гениально, гениально, хотя я ничего не понял!». Как будто туманность и есть гениальность. Как это произошло? Откуда взялось такое отношение ко всему непонятному?

Конечно, стремление ума, как деятельной силы — это есть анализ действительности, кончающийся простым и ясным её представлением. Это идеал, этим должно гордиться. Но так как то, что досталось уму, есть лишь кроха, песчинка по сравнению с тем, что осталось неизвестным, то понятно, что у каждого должно быть сопоставление этого небольшого известного и огромного неизвестного. И конечно, всякому человеку надо считаться и с тем, и с другим. Нельзя свою жизнь располагать только в том, что научно установлено, ибо многое ещё не установлено. Во многом надо жить по другим основаниям, руководясь инстинктами, привычками и т. д. Всё это верно. Но позвольте, ведь это всё задний план мысли, наша гордость не незнание, наша гордость в ясности. А неясность, неизвестное — лишь печальная неизбежность. Учитывать её надо, но гордиться ею, стремиться к ней значит переворачивать всё вверх дном.

Следующее свойство ума — это стремление к истине. Люди часто проводят всю жизнь в кабинете, отыскивая истину. Но это стремление распадается на два акта. Во-первых, стремление к приобретению новых истин, любопытство, любознательность. А другое — это стремление постоянно возвращаться к добытой истине, постоянно убеждаться и наслаждаться тем, что то, что ты приобрёл, есть действительно истина, а не мираж. Одно без другого теряет смысл. Если вы обратитесь к молодому учёному, научному эмбриону, то вы отчётливо видите, что стремление к истине в нём есть, но у него нет стремления к абсолютной гарантии, что это — истина. Он с удовольствием набирает результаты и не задаёт вопроса, а не есть ли это ошибка? В то время как учёного пленяет не столько то, что это новизна, а что это действительно прочная истина. А что же у нас?

А у нас прежде всего первое — это стремление к новизне, любопытство. Достаточно нам что-либо узнать, и интерес наш этим кончается. («А, это всё уже извест-

но»). Как я говорил на прошлой лекции, истинные любители истины любят старые истины, для них — это процесс наслаждения. А у нас — это прописная, избитая истина, и она больше нас не интересует, мы её забываем, она больше для нас не существует, не определяет наше положение. Разве это верно?

Перейдем к последней черте ума. Так как достижение истины сопряжено с большим трудом и муками, то понятно, что человек в конце концов постоянно живёт в покорности истине, научается глубокому смирению, ибо он знает, что стоит истина. Так ли у нас? У нас этого нет, у нас наоборот. Я прямо обращаюсь к крупным примерам. Возьмите вы наших славянофилов. Что в то время Россия сделала для культуры? Какие образцы она показала миру? А ведь люди верили, что Россия протрёт глаза гнилому Западу. Откуда эта гордость и уверенность? И вы думаете, что жизнь изменила наши взгляды? Нисколько! Разве мы теперь не читаем чуть ли не каждый день, что мы авангард человечества! И не свидетельствует ли это, до какой степени мы не знаем действительности, до какой степени мы живем фантастически!

Я перебрал все черты, которые характеризуют плодотворный научный ум. Как вы видите, у нас обстоит дело так, что в отношении почти каждой черты мы стоим на невыгодной стороне. Например, у нас есть любопытство, но мы равнодушны к абсолютности, непреложности мысли. Или из черты детальности ума мы вместо специальности берём общие положения. Мы постоянно берём невыгодную линию, и у нас нет силы идти по главной линии. Понятно, что в результате получается масса несоответствия с окружающей действительностью.

Ум есть познание, приспособление к действительности. Если я действительности не вижу, то как же я могу ей соответствовать? Здесь всегда неизбежен разлад. Приведу несколько примеров.

Возьмите веру в нашу революцию. Разве здесь было соответствие, разве это было ясное видение действительности со стороны тех, кто создавал революцию во время войны? Разве не ясно было, что война сама по себе — страшное и большое дело? Дай Бог провести одно его. Разве были какие-либо шансы, что мы сможем сделать два огромных дела сразу — и войну, и революцию? Разве не сочинил сам русский народ пословицы о двух зайцах?.. Возьмите нашу Думу. Как только она собиралась, она поднимала в обществе негодование против правительства. Что у нас на троне сидел вырожденец, что правительство было плохое — это мы все знали. Но вы произносите зажигательные фразы, вы поднимаете бурю негодования, вы волнуете общество. Вы хотите этого? И вот вы оказались перед двумя вещами — и пред войной, и пред революцией, которых вы одновременно сделать не могли, и вы погибли сами. Разве это — видение действительности?

Возьмите другой случай. Социалистические группы знали, что делают, когда брались за реформу армии. Они всегда разбивались о вооружённую силу, и они считали своим долгом эту силу уничтожить. Может, эта идея разрушить армию была и не наша,

но в ней в отношении социалистов была хоть видимая целесообразность. Но как же могли пойти на это наши военные? Как это они пошли в разные комиссии, которые выработывали права солдата? Разве здесь было соответствие с действительностью? Кто же не понимает, что военное дело — страшное дело, что оно может совершаться только при исключительных условиях. Вас берут на такое дело, где ваша жизнь каждую минуту висит на волоске. Лишь разными условиями, твёрдой дисциплиной можно достигнуть того, что человек держит себя в известном настроении и делает своё дело. Раз вы займете его думами о правах, о свободе, то какое же может получиться войско? И тем не менее, наши военные люди участвовали в разращении войска, разрушали дисциплину.

Много можно приводить примеров. Приведу ещё один. Вот Брестская история, когда господин Троцкий проделал свой фортель, когда он заявил и о прекращении войны, и о демобилизации армии. Разве это не было актом огромной слепоты? Что же вы могли ждать от соперника, ведущего страшную, напряжённую борьбу со всем светом? Как он мог иначе реагировать на то, что мы сделали себя бессильными? Было вполне очевидно, что мы окажемся совершенно в руках нашего врага. И однако, я слышал от блестящего представителя нашей первой политической партии, что это и остроумно, и целесообразно. Настолько мы обладаем правильным видением действительности.

Нарисованная мною характеристика русского ума мрачна, и я сознаю это, горько сознаю. Вы скажете, что я сгустил краски, что я пессимистически настроен. Я не буду этого оспаривать. Картина мрачна, но и то, что переживает Россия, тоже крайне мрачно. А я сказал с самого начала, что мы не можем сказать, что всё произошло без нашего участия. Вы спросите, для чего

я читал эту лекцию, какой в ней толк. Что, я наслаждаюсь несчастьем русского народа? Нет, здесь есть жизненный расчёт. Во-первых, это есть долг нашего достоинства — сознать то, что есть. А другое вот что.

Ну хорошо, мы, быть может, лишимся политической независимости, мы подойдём под пяту одного, другого, третьего. Но мы жить все-таки будем! Следовательно, для будущего нам полезно иметь о себе представление. Нам важно отчётливо сознавать, что мы такое. Вы понимаете, что если я родился с сердечным пороком и этого не знаю, то я начну вести себя как здоровый человек, и это вскоре даст себя знать. Я окончу свою жизнь очень рано и трагически. Если же я буду испытан врачом, который скажет, что вот у вас порок сердца, но если вы к этому будете приспосабливаться, то вы сможете прожить и до 50 лет. Значит, всегда полезно знать, кто я такой.

Затем ещё есть и отрадная точка зрения. Ведь ум животных и человека это есть специальный орган развития. На нём всего больше сказываются жизненные влияния, и им совершеннее всего развивается как организм отдельного человека, так и наций. Следовательно, хотя бы у нас и были дефекты, они могут быть изменены. Это научный факт. А тогда и над нашим народом моя характеристика не будет абсолютным приговором. У нас могут быть и надежды, некоторые шансы. Я говорю, что это основывается уже на научных фактах. Вы можете иметь нервную систему с очень слабым развитием важного тормозного процесса, того, который устанавливает порядок, меру. И вы будете наблюдать все последствия такого слабого развития. Но после определённой практики, тренировки на наших глазах идёт усовершенствование нервной системы, и очень большое. Значит, невзирая на то, что произошло, всё-таки надежды мы терять не должны.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Святослав Иванов

Генезис идеи

В августовском номере «Посева» (2011) в статье «Довоенный мир в настольном календаре советского учителя на 1941 год» я отметил, что самый обширный его раздел — «Юбилейные даты», и открывался он подразделом «Из истории международного революционного движения». Речь идёт о генезисе той идеи, которая потрясла весь мир, но перевернула вверх дном на тот момент только Россию. Хотелось бы остановиться на этом чуть подробнее.

Итак, как возник «Союз коммунистов»? После Французской революции 1830 года часть участников антиправительственных выступлений в Германии эмигрировали во Францию. А в 1833 году в Париже они создали «Немецкий Народный Союз». После запрета его деятельности несколько членов Союза организовали в 1834 году новую, уже тайную организацию — «Союз отверженных» (иногда его название переводят как «Союз изгнанных»). Целью «отверженных» было «освобождение Германии и осуществление в ре-

альности прав человека и гражданина», установление в немецких государствах «Социальной Республики», в которой будут уважаться «свобода», «равенство» и «гражданское достоинство». Вдохновляясь французской «Декларацией прав человека и гражданина», они составили собственную программу и издали программную брошюру «Кредо отверженных».

В начале 1836 года в «Союзе отверженных» произошёл раскол, и 400 человек из примерно 500 «отверженных» организовали свой «Союз справедливых».

Его создателями стали сапожник Генрих Бауэр, наборщик Карл Шаппер, часовщик Иосиф Молль и портной Вильгельм Вейтлинг. Членами Союза были преимущественно ремесленники, подмастерья, немногочисленные рабочие, но также и люди с университетским образованием, например д-р Германн Эвербек.

Девизом «Союза справедливых» были слова «Все люди — братья», а его «стратегической» целью — «утверждение на Земле Царства Божия, основанного на идеалах любви к ближнему, равенству и правосудию». В уставе было сказано: «Целью союза является раскрепощение человечества путём распространения теории общности имущества и возможно скорейшего её практического претворения в жизнь». «Союз справедливых» был организацией законспирированной. Его члены были организованы в «общины», несколько «общин» составляли «округ», делегаты от «округов» избирали на конгрессе руководящий центр — центральный комитет, который имел право самопополнения и в крайних случаях мог делегировать свои полномочия. Рядом с тайными организациями основывались открытые рабочие союзы, в которых проводились дискуссии, организовывались образовательные курсы.

Вскоре идейным лидером «Союза справедливых» стал Вильгельм Вейтлинг (1808–1846), незаконнорожденный сын французского офицера и немки из Магдебурга познавший в детстве ужасную нищету. Вейтлинг изучил портняжеское ремесло и с 1828 года переходил от одного хозяина к другому. Во время своих странствований попал в Париж, где в 1837 г. познакомился с коммунистами, и вступил в «Союз справедливых» и стал пропагандировать идеи коммунизма, как он их понимал. Его первая брошюра, написанная для «Союза справедливых», вышла в 1838 году тиражом 2000 экземпляров — «Человечество. Как оно есть и каким оно, должно быть». В Швейцарии он издавал журнал «Призыв к немецкой молодёжи». В одной из статей, «Париж в 2000 году», он писал, что в далёком будущем мы не будем знать, что такое деньги, армия, а имущество будет общим. Весной 1843 г. Вейтлинг отправился в Цюрих, где написал новую брошюру «Евангелие бедного грешника», в которой изображал Христа как провозвестника коммунистического учения. В предисловии он писал: «Придите, все бедные, трудящиеся, скорбящие, обременённые, презираемые, высмеиваемые и притесняемые и, если вы хотите свободы и справедливости для всех, то в этом евангелии почерпнёте вы новую отвагу и надежду!.. Евангелие это запечатлеет поцелуй примирения на челе преступника и осветит надеждой мрачные стены его темницы. Оно уничтожит служителей мамоны и будет провозвестником свободы для бедных и грешников. Веру оно выведет из заблуждения, осветит путь надежды и в сердцах грешников зажжёт пламень свободы и любви. Да будет так!» О содержании брошюры можно судить по названию глав: «Притчи и каламбуры. — Предзнаменования и чудеса. — Трапеза,

братская вечеря. — Иисус проповедует упразднение собственности. — Иисус проповедует уничтожение наказаний. — Основой учения Христа является общность работ и наслаждений. — Принцип Иисуса есть принцип свободы и равенства. — Ошибающийся Иисус. — Иисус отрицает семью. — Иисус проповедует войну. — Иисус не уважает собственности. — Посягательство Иисуса на собственность». Так как оглавление говорит о богохульном содержании, то цюрихские власти книгу и Вейтлинга арестовали. Он отсидел 6 месяцев в одиночной камере, после чего был депортирован.

После тюрьмы он отправился в Гамбург, потом в Лондон, затем в Брюссель, и в 1846 году в Нью-Йорк. В Лондоне Вейтлинга английские, немецкие и французские социалисты приветствовали как «мужественного, талантливого вождя немецких коммунистов».

Развил свои коммунистические идеи Вильгельм Вейтлинг в брошюре «Гарантии гармонии и свободы». Основа подлинной демократии, считал Вейтлинг, не во всеобщем голосовании и политических и парламентских манипуляциях, а в обеспечении гарантий работы и прав, которые возможны в коммунистическом обществе, путь к которому — революция с вооружением народа, революционным правительством, революционным правом, которые защитят новый порядок. Право голосовать получают только те, кто занимается общественно-полезным трудом и проявляет трудолюбие, мастерство, уважение к порядку и закону, а вот капиталисты, купцы, священнослужители, юристы, лакеи «как паразитические формы» будут права голоса лишены. «Бедных расквартировать в домах богатых, — жёстко наставлял Вейтлинг. — Учредить временное правительство, состоящее из надёжных приверженцев коммунизма; вооружить пролетариат и ремесленников, амнистировать всех заключённых. Всякого, кто выступит врагом коммунистического принципа, подвергнуть расстрелу; отменить полицейскую и судебную власти; народ сам выберет лиц для защиты своих прав и интересов... Те богачи, которые в первые же дни отдадут в руки революции всё своё имущество, будут получать пенсию соответственно своим привычкам и требованиям жизни...» Так что именно Вейтлингом, а не Марксом-Энгельсом-Лениным выдвинута идея революционной диктатуры во время переходного периода от капитализма к коммунизму.

И ещё несколько цитат из Вильгельма Вейтлинга. О равенстве: «Счастлив тот, кто доволен. Но доволен может быть лишь тот, кто ведёт беззаботную жизнь и имеет друзей; жить же без забот можно только тогда, когда знаешь, что каждый из ближних твоих снабжён всем тем, в чём он имеет нужду. А друзей ищем и находим мы только среди людей, разделяющих с нами одну судьбу». «Коммунизм — это такой общественный порядок, при котором все человеческие силы, способности и органы — человеческие руки, ноги, голова и сердце, ум и чувство — содействуют тому, чтобы каждому индивидууму, сообразно наличным для всех равным

09/2011

условиям, было обеспечено полное удовлетворение его потребностей, желаний и влечений, иначе говоря, чтобы каждому была гарантирована возможность полного наслаждения своей личной свободой...»

Вскоре главным центром «Союза справедливых» стал Лондон, но имелось несколько групп в разных областях Германии. Лидеры «Союза справедливых» переписывались с товарищами в Париже, Брюсселе, Швейцарии и Германии, следили за публикациями и обратили внимание на заметки, с которыми выступали в прессе Маркс и Энгельс.

Некоторые исследователи считают, что «Союз отверженных» основан последователями «Общества баварских иллюминатов», основанного 1 мая 1776 года в Ингольштадтском университете сторонником деизма, профессором юриспруденции Адамом Вейсгауптом с целью распространения и популяризации этого учения, а также либеральных идей Просвещения. Вейсгаупт утверждал, что естественный человек по природе своей не является плохим. Плохим его делает окружение: религия, государство, внешние влияния. Естественные права на равенство и свободу, данные каждому от рождения, были отняты. Таким образом, когда человек будет освобождён от давления социальных институтов и начнёт руководствоваться в своей жизни исключительно холодным рассудком и знанием, проблемы морали отпадут сами собой. Для достижения состояния просвещённости Вейсгаупт предлагал использовать любые методы, утверждая, что цель оправдывает средства. Бурный рост организации начался после того, как Вейсгаупт в начале 1777 года вступил в Мюнхенскую масонскую ложу. Орден имел представительства во многих странах Европы. В период расцвета «Общества баварских иллюминатов» в нём состояли примерно 2 тысячи человек. Однако в 1784–1787 годах баварские власти издали против ордена четыре указа. Папа Римский Пий VI также осудил иллюминатов. К 1787 году членство в «Обществе баварских иллюминатов» было объявлено преступлением, караемым смертью. Но до сих пор не существует убедительных доказательств, что в тот период Орден окончательно распался, а не ушёл глубже в подполье.

Прежде чем рассказать о встрече Маркса с основателем Ордена иллюминатов Адамом Вейтлингом, вкратце покажем, почему она была неизбежна. Карл Маркс родился в семье трирского адвоката. Окончив гимназию в Трире, Маркс учился в университете, сначала в Бонне, потом в Берлине. Изучал юриспруденцию, а затем увлёкся историей и философией. В 1841 году Карл закончил учёбу и получил степень доктора философии. Нет сомнения, что молодой Маркс верил в Бога. Но за время пребывания в университете Карл Маркс изменил свои взгляды. Однажды он написал, что хочет отомстить за себя «тому Одному, кто правит на небесах». К 1841 г. его перемена убеждений, по наблюдениям его друга, была близка к завершению: «Маркс называет христианскую религию одной из самых безнравственных религий». Но, как правило, он обращал свой гнев против религии

как таковой: «Уничтожение религии как призрачного счастья человека является необходимым условием их настоящего счастья».

Один из друзей Маркса, Михаил Бакунин, писал: «С тех пор, как Маркс отверг идею Бога, он не мог объяснить “общественное положение” как результат греха. Он возлагает вину за все пороки, как нравственные, так и душевные, на экономическую систему, которая, по его словам, должна быть низвергнута революцией так, чтобы человеческое общество могло быть перестроено».

В 1843 году, после закрытия «Новой рейнской газеты», Маркс переехал в Париж, где познакомился с членами нескольких тайных обществ, в том числе «Союза справедливых». Энгельс познакомился с членами «Союза справедливых» годом раньше, в 1842 году.

Генрих Гейне, тесно пообщавшись в это время в Париже с Карлом Марксом и его друзьями, сделал вывод: «Социалистическое будущее пахнет кнутом, кровью, безбожием и обильными побоями»; «не могу без страха думать о том времени, когда к власти придут эти тёмные иконоборцы».

В 1845 году в Лондоне было организовано первое международное общество «Братские демократы», в котором были представители разных стран. А Маркс и Энгельс организовали в 1846 году свой «идейный» центр — «Брюссельский корреспондентский комитет».

В январе 1847 года из Лондона в Брюссель к К. Марксу и Ф. Энгельсу приехал представитель «Союза справедливых» с предложением вступить в их организацию. Те ответили согласием, но с условием реорганизации Союза.

Встреча К. Маркса и Вейтлинга состоялась 30 марта 1846 года. Вейтлинг был недоволен тезисами Маркса о том, что «коммунизм ремесленников» и «философский коммунизм» должны быть противопоставлены. На повышенных тонах обсуждались финансовые вопросы. Особенно разъярил Маркса вывод, сделанный Вейтлингом по результатам дискуссии о пропаганде: получается так, что тот, кто найдёт средства, может писать, что ему вздумается. Впоследствии Вейтлинг утверждал, что Маркс — совсем не гений, а только человек с энциклопедическими знаниями, который имеет финансовых спонсоров и поэтому чувствует силу.

Но в июне 1847 года произошло объединение «Союза справедливых» и Брюссельского корреспондентского комитета (в него входило 15 человек). По предложению Энгельса в качестве девиза, вместо слов «Все люди — братья», была взята фраза, предложенная К. Марксом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Конференцию, на которой произошло объединение, было решено считать первым конгрессом «Союза коммунистов». Второй конгресс, проходивший с 29 ноября по 8 декабря 1847 г., окончательно утвердил устав этой организации. На нём по результатам обсуждения К. Марксу и Ф. Энгельсу было поручено подготовить программный документ «Союза коммунистов», которым стал знаменитый «Манифест коммунистической партии» 1848 г.

Из высказываний Петра Столыпина

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ 5 (18) СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА

Государственная власть

- Власть должна была или отойти и дать дорогу революции... или действовать и отстоять то, что ей было доверено. (1) С. 348.
- Для государственного человека нет большего греха, и большего проступка, как малодушие. (1) С. 431.

Правительство

- Ударяя по революции, Правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. (2) С. 8.
- Борясь исключительными средствами, в исключительное время, Правительство вело и привело страну во Вторую Думу. Я должен заявить и желал бы, что моё заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею Монарха, нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывает на места министров) не скамьи подсудимых — это места Правительства. (2) С. 8–9.
- ...Нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у Правительства паралич воли и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращённым к власти: «Руки вверх». На эти слова, господа, Правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, можно ответить только двумя словами: «Не запугаете». (2) С. 9.
- Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам. Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и просветить, и возвеличить Родину, в противовес тем людям, которые хотят её распада. Это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть, Царю, олицетворяющему Россию. (2) С. 13.
- Правительству желательно было бы найти тот язык, который был бы одинаково понятен. Таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Столыпин. (1) С. 348.

Государственная Дума

- ...Государственная Дума должна быть русской по духу... (2) С. 11
- Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгайте чёрной работой вместе с Правительством. (2) С. 12.
- Долг моей совести сказать вам, что после того, как вы откажете в деньгах на флот, Россия выйдет в международном положении преуменьшенной. (2) С. 37.

Сентенции

- Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. (2) С. 16.

- ...Богатство народов создаёт... и могущество страны. (2) С. 16.
- ...В деле этом (землеустройства) нужен упорный труд, нужна продолжительная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. (2) С. 19.
- Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия. (2) С. 19.
- ...Главное, что необходимо, это — когда мы пишем закон для всей страны — иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых... (2) С. 20.
- ...Земля, это залог наших сил в будущем, земля — это Россия. (2) С. 22.
- ...Может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — вперёд! (2) С. 38.
- ...Там, где аргумент — бомба, там конечно, естественный ответ — беспощадность кары. (2) С. 46.
- Разружьте, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, — презрение к нашей родине. (2) С. 59.
- ...Ответственность — величайшее счастье моей жизни. (2) С. 82.
- Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, Русских! (2) С. 85.
- Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешнюю Россию. (2) С. 85.
- Счастлив умереть за Царя. (2) С. 95.
- Лишь казнь немногих предотвращает моря крови. (1) С. 341

Россия

- Россия сумеет отличить кровь, о которой здесь так много говорилось, кровь на руках палачей, от крови на руках добросовестных врачей, которые применяли, быть может, самые чрезвычайные меры, но с одним упованием — исцелить труднобольного! (1) С. 349.
- ...Нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из самого него кусками мяса, надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь. (1) С. 349.

Русские окраины

- В неё (окраину России) просочётся чужестранец, если раньше не придёт туда русский, и это просачивание... уже началось. Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то этот край будет пропитан чужими соками, и когда мы проснёмся, может быть, он окажется русским только по названию... (2) С. 34.
- Вправе ли было бы государство предоставлять самим себе неокрепшие русские ячейки края в их

09/2011

состязании с крепкими цитаделями польской культуры? (2) С. 72.

- Облегчили польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что, в благодарность за это, он от этой борьбы откажется. (2) С. 74.

- ...Западный край есть и будет русским навсегда, навеки. (2) С. 76.

Армия

- .... Армия приходит в расстройство когда она перестаёт быть единой — единой, в повиновении одной безапелляционной священной воли. Введите в этот принцип яд сомнения, внушите нашей армии хотя бы обрывок мыслей о том, что она зависит от коллективной воли, и мощь её перестанет покоиться на единственно неизменной, соединяющей нашу армию силе — на власти Верховной. (1) С. 416.

О себе

- Каждое утро, когда я просыпаюсь, и твою молитву, я смотрю на предстоящий день как

на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в будущее. А вечером... говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. (2) С. 84.

- Что я такое — я не знаю. Но я верю в Бога и знаю наверное, что всё мне предназначено, я совершу, несмотря ни на какие препятствия, а чего не назначено — не совершу ни при каких ухищрениях... Я верю в Россию. Если бы я не имел этой веры, я бы не в состоянии был ничего сделать. (1) С. 443.

Использованная литература

1. С. С. Ольденбург Царствование Николая. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

2. А. П. Столыпин. П. А. Столыпин (1862–1911). — Париж, М.: «Планета», 1991.

Составил С. А. Порохин,
полковник запаса, кандидат философских наук

Николай Рутченко (Рутыч)

В поисках «правительства доверия»

Нынешний год — год круглой даты Николая Николаевича Рутченко (Рутыча). 11 апреля ему исполнилось 95 лет. Про него невозможно сказать, что он доживает свой век, затерявшись где-то в глуши. Вся жизнь был активен политически и как учёный-исследователь. Не случайно последние нападки на него датируются очень недавним временем. Но его заслуг в сфере исторической науки не отнять никаким «разоблачительным» перьям. Он продолжает исследовать, работать, пишет теперь о своей жизни. Он не пожелал как-то отмечать юбилей, дописывает мемуары, хочет увидеть их книгой. Там и ответы на многие вопросы. И то, о чём никто не знает. Даст Бог, она будет в следующем году. Тогда наш журнал представит её. А пока просто поздравляем Николая Николаевича «обычным» образом. Мы постоянно помним о его заслугах в области истории: его книги, публикации в «Гранях», «Посеве», передачу в Дом Русского Зарубежья ценной архивной коллекции, о работе в НТС. Желаем долголетия и дальнейшего творчества!

Данная статья была впервые опубликована в журнале «Посев» в 1981 г., № 9 с подзаголовком «К 75-летию созыва I и II Думы».

27 апреля 1906 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца собрались только что избранные депутаты Первой Государственной Думы. Поднявшись с трона, поставленного между мраморными колоннами с позолоченными коринфскими капителями, Государь начал свою речь словами, положившими конец самодержавию: «...попечение о благе Отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе — выбранных от народа».

Говоря о новых, основных законах, Государь торжественно обещал перед собравшимися депутатами обеих Палат: «Я же буду охранять непоколебимые установления, мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству... памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, — необходим порядок на основе прав».

Это заявление Николая II еще не было присягой Конституции. Но, как справедливо считает такой тонкий юрист, как В. В. Маклаков, слова об «охране» основных законов заменяли присягу.

После окончания приёма депутаты Думы спустились через Иорданский подъём Зимнего дворца на набережную Невы, где их ждали пароходы, чтобы доставить в перестроенный и приспособленный для парламентской деятельности Таврический дворец, а Государь на яхте «Александрия» вернулся в свою летнюю резиденцию в Петергофе, где вечером написал в свой дневник: «Приехали домой в четыре с половиной. Занимался — долго, но с облегченным сердцем...» [1].

Об открытии Первой Думы написано много. Сохранилось и немало воспоминаний участников этого события, историческое значение которого в течение долгого времени искусственно заслонялось такими

П.А. Столыпин с супругой

эпизодами, как восстание на броненосце «Потемкин» или Декабрьское восстание в Москве.

Однако до сих пор не был ещё по-настоящему исследован вопрос о том, какие помыслы были у Императора Николая II, когда он созывал Первую Думу. В чем заключались ближайшие цели, которые он стремился достичь, созывая её? А вместе с тем, отставка, накануне созыва Думы, главы правительства С. Ю. Витте вместе со всем кабинетом министров и назначение нового правительства — в составе которого Государь, как свидетельствует Коковцов, не желал видеть ни одного старого министра — указывают на то, что тогда Государь, созывая Думу, надеялся достичь коренных изменений в русской государственной и политической жизни.

Но, прежде чем перейти к характеристике нового министерства, назначенного Николаем II одновременно с созывом Думы, необходимо напомнить, что, с лёгкой руки М. Н. Покровского, в советской исторической литературе до сих пор повторяются ленинские демагогические утверждения о том, что созыв Думы был всего лишь временной уступкой самодержавия народу, ибо, как писал Ленин, в своей известной статье «Уроки революции»: «...никакие Думы, никакие сладкие речи кадетов... не удержат царя от уничтожения всех остатков свободы, от восстановления самодержавия» [2].

Недалеко ушел от Покровского и новейший исследователь политики правительства по отношению к Думе В. И. Старцев [3], вынужденный начать своё исследование цитатами из ленинской статьи 1906 г. «Борьба за власть», где спешно отказавшийся от бойкота Думы вождь, считаясь с возможностью привлечения кадетов в правительство, писал: «На деле назначение такого министерства будет теперь новой либеральной ширмой камарильи» [4].

Спрашивается, из кого же состояла эта «камарилья», назначенная, как мы говорили выше, в апреле 1906 г., одна мысль о замене которой приводила Ленина в раж?

В свете всего сказанного необходимо остановиться на характеристике лиц, выбранных Государем на ключевые, министерские посты в новом правительстве апреля 1906 г. Прежде всего, впервые на столичном горизонте появился, в качестве министра внутренних дел, Пётр Аркадьевич Столыпин. Мы не располагаем, к сожалению, прямыми историческими источниками, указывающими на то, что Николай II увидел в саратовском губернаторе горячего сторонника тесного сотрудничества с Думой, каким был Столыпин. Бесспорно, Государь знал об обширных связях П. А. Столыпина в среде земских деятелей, с которыми он сотрудничал на всех этапах своей служебной деятельности. Весьма вероятно, что на Государя

09/2011

произвёл большое впечатление письменный доклад П. А. Столыпина о прекращении аграрных беспорядков в Саратовской губернии, но, к сожалению, ни этот, ни другие доклады Столыпина в качестве саратовского губернатора до сих пор не опубликованы. Во всяком случае, отношение Столыпина к Думе, стремление сотрудничать с ней достаточно проявилось в течение его пятилетней министерской деятельности.

Вместе со Столыпиным в состав правительства вошли такие открытые сторонники сотрудничества с Думой, как министр иностранных дел А. П. Извольский, министр финансов В. Н. Коковцов и в то время либерально настроенный министр юстиции И. Г. Щегловитов.

Нельзя, конечно, забывать, что это первое правительство, призванное найти новые пути для управления Государством в условиях конституционного по существу законодательства, возглавил типичный представитель старой, петербургской бюрократии И. Л. Горемыкин. Когда В. Н. Коковцов в переговорах с Николаем II о своём вхождении в состав правительства указал прямо, что он считал «Горемыкина мало подходящим для настоящей минуты...» и высказал опасение о нежелании Ивана Логгиновича «сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни» [5], царь ему ответил, что, зная преданность Горемыкина, он уверен: с этой стороны не может быть никаких «сюрпризов», и дал понять, что Горемыкин может быть в любой момент заменён, иначе говоря, — он является главой переходного правительства.

Как показали дальнейшие переговоры, вопрос о замене Горемыкина действительно вставал, и не раз: кандидатами на его место были председатель Думы кадет Муромцев и октябрист Шипов. Забегая вперёд, напомним, что, когда выяснилась неудача переговоров с кадетским большинством в Первой Думе и было принято решение её распустить, Горемыкин был уволен и председателем совета министров стал П. А. Столыпин, бывший ведущей фигурой в переговорах о коалиционном правительстве.

Что же касается других членов кабинета, то новый министр иностранных дел Александр Петрович Извольский не раз подчёркнуто называл себя «конституционным министром». Об этом, в частности, пишет главный юрисконсульт министерства иностранных дел и профессор международного права барон Михаил Александрович Таубе, рассказывающий, как он при первом разговоре с новым министром был свидетелем отказа принять на службу провалившегося на экзамене в министерство кандидата — «протеже» одной из самых блистательных дам высшего петербургского света.

«Что скажет пресса, что скажут в Думе, — сказал Извольский барону Таубе, — если узнают, что первый конституционный министр продолжает прибегать к обветшалым обычаям, подтверждающим произвол?» [6]

Николай II не мог не знать этих умонастроений Извольского, тем более, что тогда он ещё весьма

внимательно прислушивался к советам своей матери — вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, а она, со свойственным ей тактом, умела обращать его внимание на мнения либерального посланника в Копенгагене — последней должности Извольского, откуда он был срочно вызван, чтобы возглавить в апреле 1906 года министерство иностранных дел. (Императрица Мария Феодоровна (принцесса Дагмара) проводила ежегодно несколько недель у своего отца, датского короля Христиана IX, в Копенгагене вместе со своей сестрой — супругой английского короля Эдуарда VIII. Она, безусловно, вполне доверяла А. П. Извольскому.)

Не удивительно поэтому, что сохранивший немало друзей в земских кругах А. П. Извольский собрал у себя целый ряд, как он пишет, «близких друзей», составивших вместе с ним «Записку» для Государя, отредактированную окончательно тогда ещё правым кадетом (потом он станет одним из учредителей «партии мирного обновления») Н. Н. Львовым, к которому был дружески расположен П. А. Столыпин, ещё будучи саратовским губернатором [7].

8 июня 1906 г., пользуясь очередным докладом царю, Извольский передал ему эту «Записку» в Петергофе. В этом документе рекомендуется создать коалиционное правительство с участием представителей Думы и земства. В председатели Совета Министров рекомендуется уже избранный председателем Первой Думы проф. Муромцев. Несмотря на то, что П. Н. Миллюков не был избран депутатом Первой Думы, в «Записке» указывается на желательность его вхождения в правительство.

Предлагая оставить на посту министра внутренних дел П. А. Столыпина, авторы «Записки» выдвигали ему в заместители известного земского деятеля, депутата Первой Думы кн. Г. Е. Львова (будущего главу Временного правительства).

Передавая эту записку Государю, Извольский, как он пишет, подчеркнул, что только на пути реформ правительство, пользующееся доверием Думы и общества, то есть в первую очередь земства, сможет справиться с революционным движением. Как вспоминает далее А. П. Извольский, Государь с интересом выслушал все его доводы в пользу коалиционного правительства и оставил у себя «Записку». А через несколько дней, принимая снова у себя в Петергофе министра иностранных дел, он «поручил ему вступить в переговоры с лицами, упомянутыми в “Записке”, а также с другими, если может встать вопрос об их вхождении в коалиционное правительство» [8].

Император Николай II передал Извольскому собственноручную записку для Столыпина, в которой подтверждал своё поручение вести переговоры с целью формирования коалиционного правительства [9].

Ещё более очевидными рисуются намерения Государя в связи с назначением в то же правительство министром финансов Коковцова. Николай II, конечно, помнил слова Витте, сказанные им на за-

седании, посвящённом обсуждению проекта закона о Государственной Думе 18 февраля 1906 года, когда тогдашний премьер-министр подчеркнул «его (Коковцова — *Н. Р.*) нежность к конституционному строю, его желание насадить у нас парламентские порядки» [10]. Разумеется, Витте иронизировал, но Коковцов не отрицает в своих воспоминаниях, что он на том же заседании «подробно развил значение двухпалатной системы законодательства» [11].

Коковцов вернулся из Парижа 19 апреля 1906 года, после успешного заключения т. н. «ликвидационного» заёма, позволившего покрыть чрезвычайные расходы во время русско-японской войны и сохранить свободный размен на золото русской валюты. Все признавали этот большой успех, но когда 22 апреля Государь принимал Коковцова, последний, ссылаясь на усталость и отрыв от дел в России, отказался от предлагаемого ему поста министра финансов. Об уговорах занять этот пост он пишет: «...неоднократно во время нашей, почти часовой, беседы Государь выражал мне его надежду на то, что Дума, встретившись с ответственной работой, может быть окажется на самом деле менее революционной..., в особенности, что земские круги, которым, по-видимому, будет принадлежать руководящее значение в Думе, не захотят взять на себя неблагоприятную роль быть застрельщиками в новой вспышке борьбы между правительством и новым народным представительством» [12].

В добросовестности и порядочности Коковцова нет основания сомневаться. Его упрекали лишь в скрупулезно-честном отношении к каждому расходу. Поэтому передача им настроений Государя накануне созыва Первой Думы подтверждает лишь, что в это время мысли о тесном сотрудничестве с Думой и привлечение в состав правительства лидеров её большинства всерьёз занимали царя. Тем более что, несмотря на отказ Коковцова, Государь, зная его безотказную готовность служить России, всё же назначил его министром финансов 27 апреля 1906 года — буквально за несколько часов до приёма депутатов Думы в Зимнем дворце.

Итак, как свидетельствует Коковцов, Государь продолжал верить, «что Дума постепенно втянется в работу». И скорее эта вера, а не стремление «разведать» в лагере противника, как пишет С. С. Ольденбург [13], толкнула его поручить одному из самых преданных ему людей — дворцовому коменданту ген. Дмитрию Фёдоровичу Трепову — обратиться непосредственно к руководству партии кадетов с целью выяснить возможность замены правительства Горемыкина новым «правительством доверия», то есть коалиционным.

Около 10 июня генерал Трепов обратился к чопорному профессору римского права, кадету С. А. Муромцеву с предложением встретиться, чтобы обсудить условия, на которых кадеты согласились бы войти в правительство. Муромцев отказался от встречи с посланником царя под предлогом, что у него нет на это согласия ЦК кадетской партии. Тогда Трепов через «юркога журналиста» агентства Ройтер Ламарка при-

гласил на частную встречу лидера кадетов П. Н. Миллюкова.

Встреча состоялась в известном всему Петербургу ресторане «Кюба» на Большой Морской. Забегая вперёд, скажем, что примерно через десять дней после встречи ген. Трепов опубликовал в английских газетах через агентство Ройтер интервью, где, в частности, говорилось, что он считает «...весьма желательным, чтобы новое правительство было образовано из членов думского центра», то есть из кадетов.

Как рассказывает П. Н. Миллюков [14], Трепов сразу же стал тщательно записывать все ответы своего собеседника с очевидной целью — дословной передачи их царю. На вопросы генерала Трепова об условиях вхождения в правительство П. Н. Миллюков отвечал с партийных позиций: «ответственные» только перед Думой министерства, переход к однопалатной системе (ликвидация верхней палаты — Государственного Совета) и, следовательно, пересмотр основных законов, всеобщая амнистия (включая «эксков» из большевиков и «боевиков»-террористов из эсеровской организации), отчуждение помещичьих земель и прочие требования кадетской программы.

Естественно, что начинать переговоры о «министерстве доверия» с пересмотра только что объявленных основных законов (с оставлением для Государя права назначать лишь военного и морского министров) не имело смысла. Миллюков не шёл на компромисс. Список кадетских министров, записанный со слов Миллюкова генералом Треповым, Государь показал через несколько дней (между 15 и 20 июня) министру финансов Коковцову.

Коковцов сразу же понял, что требования Миллюкова и его список министров означают отмену основных законов и передачу власти одной партии, «...которая слишком много наобещала крайне левым элементам и слишком явно попала в зависимость от них, чтобы удержаться на поверхности» [15]. Государь, по-видимому, пришёл к такому же выводу, остановил попытки Трепова (что было тяжёлым ударом для генерала, скончавшегося от сердечного припадка 2 ноября в том же 1906 году) и поручил, как мы уже знаем, переговоры о коалиционном правительстве Извольскому и Столыпину.

Между 19 и 24 июня, вспоминает П. Н. Миллюков, он приехал поздней ночью по приглашению Столыпина к нему на дачу на Аптекарском острове. В кабинете Столыпина уже сидел в «качестве благородного свидетеля» А. П. Извольский. В своей книге «Три попытки» Миллюков даёт понять, что он не уклонился бы от образования кабинета министров, если бы такое поручение ему было сделано. Однако в своих «Воспоминаниях» [16] лидер кадетов говорит о своём «несогласии сохранить некоторых членов существующего кабинета», то есть не скрывает своего несогласия на коалиционное правительство.

Таким образом, Миллюков остался на тех же позициях, которые он изложил Трепову, опустив лишь вопрос об изменении основных законов. Стало ясно

09/2011

ещё раз, что Милюков отказывается от какого-либо компромисса. Да и сам он по поводу этого ночного визита к Столыпину любил повторять слова своего коллеги по ЦК кадетской партии, графа П. А. Гейдена: «Нас приглашали на роль наёмных детей при дамах лёгкого поведения».

В своей последней книге «Годы» В. В. Шульгин [17] первоначально намеревался озаглавить свою главу о Думе «Трагедия эволюции». Это очень точное определение, ибо если Столыпин первоначально искренне стремился разделить власть с Думой, то представители партии центра не понимали, что для этого необходим компромисс — исторический компромисс. «Я указал Столыпину, — писал уже после революции Милюков, — что если хотят использовать нашу популярность, принимая в кабинет лица, то этот расчёт ошибочен...» А в то время, как указывает В. В. Шульгин, надо было выбирать: или реформы и эволюция, или революция до конца...

«Почему кадеты — мозг нации, — спрашивал позже, через год, Столыпин Маклакова, — не хотят разорвать с революционерами?» И, переходя на шуточный тон, добавлял: «Кадет под столом жмет ножку Революции» [18].

Атмосферу того времени, хорошо показанную Шульгиным в его последней книге «Годы», подтверждает в своих воспоминаниях и министр иностранных дел А. П. Извольский. После ночного заседания с Милюковым у Столыпина на Аптекарском острове в июне 1906 года Извольский предложил лидеру оппозиции подвезти его с островов в город. Когда коляска министра медленно катилась белой петербургской ночью по Каменноостровскому проспекту, Извольский, шутя, заметил, что едва ли кто поверит своим глазам, увидя его вместе с лидером кадетов. Милюков ответил, что если их заметят, то скомпрометированы будут они оба: он в глазах левых, а Извольский у правых [19]. Оба рассмеялись, но лидер кадетов всё же предпочел соскочить у Петропавловской крепости.

Не прошло и двух дней со времени ночного визита Милюкова на дачу Столыпина, как 26 июня Н. Н. Львов (редактировавший, как мы знаем, «Записку» о коалиционном правительстве) встретил Шипова на Николаевском вокзале и передал ему приглашение приехать к Столыпину.

Д. Н. Шипов попытался было уклониться от этой встречи, но, прибыв в Государственный Совет (членом которого он был «по выборам» от московского земства), узнал, что сам император Николай II приглашает его 28 июня к себе в Петергоф. Только после этого Шипов с Н. Н. Львовым поехали поздно вечером 27 июня к Столыпину. Министр внутренних дел уже ждал их вместе с Извольским. Столыпин сразу же предложил Шипову сформировать коалиционный кабинет, который мог бы работать с Думой. Столыпин предоставлял Шипову подобрать всех министров самому, за исключением военного и морского, и только дал понять, что на постах министров внутренних и иностранных дел желательно оставить его и Извольского [20]. Столы-

пин выразил надежду, что «безупречное имя Шипова в качестве председателя могло бы сломить кадетскую нетерпимость».

Шипов, как он сам пишет, усомнился, что можно создать необходимые взаимодействия между правительством и Государственной Думой, не привлекая руководство кадетской партии. Ибо, как он считал, привлечение только его единомышленников из кадет (таких, как например, Н. Н. Львов, князь Г. Е. Львов, граф П. А. Гейден и другие) не получило бы, по его мнению, поддержки большинства в Думе.

Идя навстречу Шипову, Извольский заявил, что вопрос участия в новом правительстве его и П. А. Столыпина «...должен свободно решить сам Дмитрий Николаевич» [21]. Со своей стороны, Столыпин рассказал Шипову о недавних переговорах с Милюковым и отметил, что лидер кадетов не возражал бы, если ему предложат стать премьером; но, конечно, окончательное решение, подчеркнул он, остаётся за Императором.

В ответ Шипов настаивал на кандидатуре Муромцева как главы правительства. Однако оба его собеседника уже знали об отказе Муромцева участвовать в коалиционном правительстве. Так прошла ещё одна бессонная белая ночь на даче на Аптекарском острове, в настойчивых, но бесплодных поисках возможности создать коалиционное правительство с участием Думы. На следующий день, 28 июня, прежде чем ехать к Государю, Шипов наскоро успел поговорить с Муромцевым и снёсся через своего друга графа Гейдена с Милюковым.

Милюков ещё раз категорически отказался участвовать в коалиционном правительстве и передал, что он не откажется возглавить только кадетское, «парламентарное» министерство.

Муромцев же отказался вообще вести переговоры без согласия ЦК кадетской партии и её думской фракции. И на слова Шипова о том, что Милюков согласился бы стать премьером, на следующий день председатель Первой Думы ответил известной фразой о том, «что двум медведям нет места в одной берлоге».

Таким образом, к моменту аудиенции у Государя Шипов так и не пришёл к какому-либо решению. Его запись разговора с Государем [22] показывает, что царь шёл охотно на уступки. Но ему настойчиво предлагали однопартийное правительство, возглавляемое либо Милюковым, либо Муромцевым. Шипов предложил Муромцева в качестве председателя кабинета, а Милюкова в качестве министра иностранных дел, и уклонился сам от какой-либо ответственности.

Стало трафаретом повторять слова Государя историку Ключевскому об этой встрече: «Вот говорят, Шипов умный человек. А я у него всё выспросил — и ничего ему не сказал». Эти слова, приводимые Милюковым, служат, обыкновенно для доказательства двуличности и скрытности Государя. Однако в данном случае, как мы видели, Государь через Извольского принял с сочувствием идею о коалиционном правительстве. На основании известной нам «Записки» он

поручил Столыпину и Извольскому вести переговоры с представителями общественности и Думы. Но и они, и генерал Трепов натолкнулись на упорное нежелание даже начать переговоры о коалиционном правительстве, вместо которого выставлялось категорическое требование создать парламентское правительство, состоящее только из представителей кадетской партии.

Таким образом, для Государя было ясно, что Шипов пришел к нему с пустыми руками, и он мог только убедиться, что получил ещё один отказ на предложение членам Думы и общественным деятелям войти в состав правительства. Что же он после этого мог сказать Шилову?

Но всё же, несмотря на это разочарование, Государь, отвечая на вопрос Шипова, категорически заявил, что не может быть и речи об отмене Манифеста 17 октября и о ликвидации Думы и Государственного Совета. Иными словами, он не допускал мысли о возвращении к самодержавию.

Перед Государем встала альтернатива: или передать власть кадетской партии в условиях ещё не утихшей революционной обстановки и зависимости этой партии от революционного подполья, — или распустить Думу и заменить правительство Горемыкина новым, более способным продолжать переговоры с тем большинством, которое образуется после выборов во Вторую Думу. Таким правительством стало вечером 8 июля 1906 г. правительство А. П. Столыпина, назначенного вместо Горемыкина председателем Совета министров с сохранением портфеля министерства внутренних дел. «Переходное» министерство И. Л. Горемыкина, назначенное вместе с созывом Первой Думы, не смогло выполнить свою задачу, и Государю пришлось поручить дальнейшее осуществление идеи сотрудничества с Думой наиболее, по его мнению, способному для этого человеку.

Столыпину, как и Извольскому было ясно, что кадеты не созрели до компромисса. Впрочем, Столыпин был далёк от мысли об окончательном разрыве с кадетами. Наоборот, став председателем Совета министров, он, как свидетельствует Маклаков, первый стал искать личного контакта с ним и с другими правыми кадетами.

Но до созыва Второй Думы взоры Столыпина обратились к октябристу и руководителю земства в Москве, либералу Дмитрию Николаевичу Шипову и князю Г. Е. Львову. Многолетний председатель московской земской управы, Шипов (как и князь Г. Е. Львов) казался многим в государственном плане более значительной личностью, чем он, может быть, был на самом деле.

Уже через несколько дней после того, как он возглавил правительство, — 12 июля 1906 года Столыпин обратился к ним с предложением приехать к нему для переговоров о вхождении в правительство.

Сначала Шипов, как и в первый раз, пытался уклониться, но после того, как Столыпин послал обоим формальное приглашение для переговоров о продовольственной помощи населению в рамках «Общеземской организации», которую они возглав-

ляли, — выхода не было, и они приехали. Как рассказывает Шипов, Столыпин, изложив кратко свою программу реформ, сказал: «Я обращаюсь к вам обоим с просьбой войти в состав образуемого мной кабинета и оказать ваше содействие осуществлению конституционных начал, возведённых Манифестом 17 октября» [23].

Так началась новая серия переговоров о вхождении в правительство ряда видных общественных деятелей, из которых, кроме Шипова и князя Львова, упомянем графа Гейдена, Н. Н. Львова, известного юриста А. Ф. Кони, князя Е. Н. Трубецкого и лидера октябристов А. И. Гучкова. Разногласия со Столыпиным начались уже в первом разговоре 15 июля, когда Шипов и Львов возражали против плана провести в чрезвычайном порядке ряд реформ, в том числе аграрную, не ожидая созыва Второй Думы. Они же настаивали на том, что ни одна реформа не может быть осуществлена помимо законодательных учреждений.

В итоге этой встречи со Столыпиным Шипов и Львов написали 17 июля письмо главе правительства, где, резюмируя свою точку зрения, предложили сформировать кабинет министров таким образом, что из тринадцати министров «...должно быть не менее семи лиц, призванных из общества» [24]. Иначе говоря, они требовали минимального большинства в правительстве, при условии, что портфели министра внутренних дел, министра юстиции и государственного контролёра будут в руках этого большинства. Но главным по-прежнему оставалось старое кадетское требование о немедленной амнистии, о прекращении действий всех исключительных положений и об отмене смертной казни.

Отвечая на это письмо, Столыпин писал: «...душевно жаль, что вы отказываете мне в вашем ценном и столь желательном, для блага общего, сотрудничестве... Я нахожу, что нужно реальное дело, реальные реформы, и что мы в промежуток 200 дней, отделяющих нас от новой Думы, должны всецело себя отдать подготовке их и проведению возможного в жизнь... В общих чертах, в программе, которая и по мне должна быть обнародована, мы мало расходимся. Что касается смертной казни (форма приостановки ее Высочайшим Указом) и амнистии, то нельзя забывать, что это вопросы не программные, т. к. находятся в зависимости от свободной воли Монарха. Кабинет весь целиком должен быть сплочён единством политических взглядов, и дело, мне кажется, не в числе портфелей, а в подходящих лицах, объединённых желанием вывести Россию из кризиса».

Несмотря на отказ Шипова и князя Львова, Столыпин со свойственной ему энергией продолжал попытки найти лиц из общества, готовых войти в правительство. Упомянем лишь его переговоры с Н. Н. Львовым и графом Гейденом, стремившимися, в свою очередь, привлечь в «правительство доверия» знаменитого юриста Кони, с которым дважды, в июле 1906 года, встречался Столыпин. После решительного отказа Кони Столыпин вёл переговоры с лидером октябристов Гучковым и тем же Н. Н. Львовым, покинувшим

09/2011

партию кадетов. Столыпин устроил им аудиенцию у Государя в Петергофе.

Во время приёма напротив царской резиденции, в Кронштадте, шла стрельба. Генерал И. Иванов (впоследствии командующий Юго-Западным фронтом) подавлял восстание во флоте. Львов и Гучков (принятые царем порознь) соглашались войти в правительство на условиях принятия деклараций с рядом положений, развивающих Манифест 17 октября. В частности — по вопросу равноправия.

Государь соглашался во многом с Гучковым, но считал, что вошедшие в правительство общественные деятели должны выступать от его имени с правительственной программой, добиваясь соглашения внутри правительства. Но что он — «против вступления целой группы с какой-то программой». Иначе говоря, Государь отказывался признавать нахождение в правительстве министров со своей особой партийной программой.

Неудача этой аудиенции весьма расстроила Столыпина, успевшего лично сблизиться с Гучковым, а после 12 августа, когда эсеры-максималисты взорвали дачу Столыпина на Аптекарском острове, бывшую, как мы видели, свидетельницей стольких ночных встреч и переговоров, он целиком ушел в подготовку реформ, и прежде всего аграрной, которая и была проведена в ноябре 1906 года в порядке применения 87-й статьи нового законодательства.

20 февраля 1907 года собралась Вторая Государственная Дума. В отличие от Первой, в ней не было большинства. Кадеты получили 123 депутатских кресла вместо 184-х в Первой Думе, то есть около 25%. Не было большинства и у правых, хотя во Второй Думе оказалось больше октябристов и близких к ним «националистов». Несмотря на то, что в кадетской партии П. Б. Струве предлагал заменить требования Милюкова о «полновластных, ответственных, парламентских министерствах» лозунгом о правительстве, «солидарном с Думой», лидер партии Милюков, который на этот раз прошёл депутатом в Думу, настойчиво продолжал придерживаться своей точки зрения и не собирался рвать с социал-демократами, которые, отказавшись от ленинской тактики бойкота Думы, образовали теперь свою фракцию во Второй Думе.

С другой стороны, во Вторую Думу был выбран по кадетскому списку выдающийся юрист Маклаков, оставивший исключительные по богатству своего содержания воспоминания о Думе. Он и его друзья — правые кадеты Струве и Челноков — регулярно встречались со Столыпиным зимой в Зимнем, а летом в Елагинском дворце, куда переехала семья Столыпина по требованию Государя (после взрыва на Аптекарском острове), и продолжали обсуждать вопрос о возможности вхождения кадетов в правительство, хотя эти разговоры — в силу того, что сам Маклаков и его друзья были в меньшинстве в кадетской партии, — носили скорее академический и дружеский характер.

Отсутствие большинства в Думе ставило правительство в трудное положение, ибо оно не мог-

ло продвигать свои проекты реформ. Один Извольский продолжал надеяться, что деловая работа в Думе наладится, и говорил на заседаниях Совета министров, что «её (Думы. — *Н. Р.*) оппозиционные выступления против правительства вовсе уже не так далеко отходят от обычной оппозиции в европейских парламентах». В отличие от Извольского, министр финансов Коковцов жаловался, что он так и не добился от Второй Думы голосования по вопросу о бюджете. И сам этот вопрос был сдан в комиссию, откуда он так и не вернулся до самого роспуска Думы.

Кризис, предрешивший судьбу Второй Думы, разразился 5 мая 1907 г., когда поступил запрос от 31-го члена Государственной Думы об обыске на квартире депутата Озоля, принадлежавшего к думской фракции социал-демократов. Подписавшие запрос назвали этот обыск «преступным вторжением в помещение, имеющее свойство неприкосновенности».

На что Столыпин тут же ответил с думской трибуны, напомнив, что в Петербурге все еще продолжается «положение об усиленной охране», и что в данном случае имеются неоспоримые доказательства, что член Государственной Думы участвует в военно-революционной организации, материалы о которой уже переданы суду. После выступления Столыпина стал вопрос о снятии депутатской неприкосновенности с члена Думы Озоля. Этот вопрос был передан в Комиссию, возглавляемую кадетом профессором Кизеветтером, ибо Милюков отказался решать немедленно голосованием вопрос о депутатской неприкосновенности Озоля.

2 июля 1907 г. председатель комиссии, занимавшейся делом арестованных социал-демократов, профессор Кизеветтер доложил, что комиссия свою работу не закончила, и Дума отклонила 201-м голосом против 175-ти предложение решить этот вопрос на экстренном вечернем заседании.

В тот же вечер Столыпин попросил приехать к нему в Елагинский дворец четырёх кадетских лидеров, с которыми он уже не раз встречался: Челнокова, Струве, Гессена и Маклакова. Была половина двенадцатого ночи, когда они вошли в его кабинет. Столыпин сразу спросил: есть ли надежда на согласие Думы принять доказательство судебных властей об участии Озоля и его группы в подготовке вооруженного восстания?

Струве пытался убедить Столыпина, что «он требует от Думы того, чего она дать очевидно — не может...» Столыпин ответил, что по его мнению группа Озоля мешает Думе «не меньше, чем мне». И он заговорил, как пишет Маклаков, «совсем другим, прямо убеждающим тоном: “Освободите Думу от них и вы увидите, как хорошо мы будем с вами работать... Препятствий к установлению правового порядка в России я никаких ставить не буду”» [25].

На это Маклаков ответил: «Ваше требование Вы предъявили в такой острой и преувеличенной форме, что его принять Дума — не сможет... я — самый правый кадет и — буду голосовать *против* Вас» (выделено Маклаковым).

«Ну тогда — делать нечего, — сказал Столыпин, — только запомните, что я Вам скажу: это вы сейчас распустили Думу» [25].

Так неудачно закончились все попытки создать «Правительство доверия» с участием в нём депутатов Думы. И нельзя не признать, что, как со стороны Государя через генерала Трепова, так и ещё больше со стороны ведущих министров — Столыпина и Извольского — было сделано, можно сказать, всё от них зависящее, чтобы ввести кадетов в состав правительства. «Отказываясь от сотрудничества со Столыпиным, такие умеренные либералы как князь Львов, граф Гейден и другие, — пишет с горечью Извольский, — совершили ещё раз грубую ошибку и показали тем самым, насколько политические партии России были в это время ещё незрелы, находясь во власти политических страстей» [26].

Говоря о переговорах Столыпина с общественными деятелями и представителями думского большинства, нельзя, вслед за Леонтовичем [27] опираться на одного Маклакова (свидетельства которого, конечно, остаются незаменимыми). Можно привести также оценки и высказывания депутата Первой Думы, выдающегося русского историка, профессора Московского университета Владимира Ивановича Герье. В отличие от многих кадетов, профессор Герье исходил из того, что Великие реформы Александра II были оборваны «подпольной революцией». В вопросе укрепления конституционного строя Герье следовал традиционной формуле основоположника государственной школы Б.Н. Чичерина: «Либеральные реформы и сильная власть». А в период Первой Думы кадеты, по мнению проф. Герье, проводили тактику «штурма» [28] власти вместо того, чтобы, идя навстречу Столыпину и Извольскому, искать с ней соглашения. Это помогло социал-демократам, считает профессор Герье, усилиться во Второй Думе, перейти от бойкота к тактике «осады», дополняя её вооружёнными восстаниями. Всё это, подчеркивает профессор Герье, примкнувший впоследствии к октябристам, вынудило правительство изменить избирательный закон, что, в свою очередь, позволило продолжать Великие реформы в Третьей Думе [29].

Но ни Милюков, ни его коллеги по партии, включая даже Маклакова, не захотели тогда, в 1906–1907 гг., пойти на компромисс, который мог стать «историческим», мог стать прочной основой для реформ в условиях правовой государственности и политической устойчивости.

А когда, почти десять лет спустя, в 1915–1916 гг. они же, войдя в «Прогрессивный блок» были готовы, наконец, на этот компромисс, то было уже поздно.

Не было больше Столыпина. Ушёл в отставку Коковцов; в далёком Париже сидел послом разочарованный Извольский. И Государь был уже не тот. В 1915 году он предпочёл (теперь «не с «облегчённым», а с тяжёлым сердцем») бросить Петербург, практически отойти от политического руководства страной и, вопреки мнению большинства своих министров, уехать в Ставку с её спокойной и размеренной жизнью.

Но, как бы ни сложилась конституционная жизнь в короткое десятилетие думской монархии, теперь, через десятилетия после издания законодательства о Думе, можно сказать, что ни в плане правовой государственности, ни в области общественной и экономической жизни России никогда ни до, ни после этого не испытывала такое благополучие.

1. Дневник Императора Николая II. — Берлин: Изд. «Слово», 1923. С. 240.
2. Ленин. Избранные соч., т. 1. — М., 1946. С. 575
3. В.И. Старцев. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–17 гг. — Л.: Изд. «Наука», 1977.
4. Ленин. ПСС. Т. 13. С. 219.
5. Граф В.Н. Коковцов. Из моего прошлого (Воспоминания 1903–1919). Т. I. — Париж, 1933. С. 169.
6. Memoires du Baron M. de Taube. La politique russe d'avant-guerre (1904–1917). — Paris, 1928. С. 113.
7. Memoires de Alexandre Iswolsky (1906–1910). — Paris: Payot, 1923. С. 196. Упомянутая «Записка» полностью приведена там на С. 197–202.
8. Там же. С. 203.
9. Там же.
10. Граф В.Н. Коковцов. Из моего прошлого. Т. I. — Париж, 1933. С. 140.
11. Там же. С. 138.
12. Там же. С. 168.
13. С.С. Ольденбург. Царствование Императора Николая II, т. I, часть 2-я. — Мюнхен, 1949. С. 360 и далее.
14. П.Н. Милюков. Три попытки. — Париж, 1921. С. 33 и далее.
15. Граф В.Н. Коковцов. Там же. С. 199.
16. П.Н. Милюков. Воспоминания. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955. Т. I. С. 387.
17. В.В. Шульгин. Годы. — М.: Изд. АПН, 1979.
18. В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. — Париж, (без даты). С. 232.
19. П.Н. Милюков. Там же. С. 386. См. также цитируемую книгу Извольского.
20. Д.Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. — М., 1918. С. 447.
21. Там же. С. 447 и далее.
22. Там же.
23. Там же. С. 461–467.
24. Цитируем по В.А. Маклакову. Вторая Государственная Дума. — Париж, (без даты), сс. 44, 46–47.
25. В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. — Париж, (без даты). С. 246–247.
26. Memoires de Alexandre Iswolsky. Paris: Payot, 1923. С. 226.
27. В.В. Леонтович. История либерализма в России. 1762–1914. Пер. с нем. Ирины Иловайской. (Серия: Исследования новейшей русской истории. Под общ. ред. А.И. Солженицына. I.). — Париж: ИМКА-Пресс, 1980.
28. В.И. Герье. Вторая Государственная Дума. — М., 1907. С. 287 и далее.
29. См. также: В.И. Герье. Значение Третьей Думы в истории России, ч. I. — СПб, 1912.

Дмитрий Соколов

Полпотовщина как зеркало российского большевизма

Ужасы «красного террора» в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. нередко сравнивают со зверствами гитлеровцев на оккупированных территориях СССР во время войны 1941–1945 гг. Однако это сравнение верно лишь отчасти.

Есть в мире такая страна — Камбоджа (позднее переименованная в Демократическую Кампучию). События, произошедшие там, поразительным образом похожи на некоторые эпизоды ранней советской истории.

Так же, как и в России после октября 1917 г., в середине 1970-х гг. в результате победы в кровопролитной гражданской войне в Камбодже к власти пришла организация политических экстремистов, участники которой, так называемые «красные кхмеры», являлись приверженцами местной разновидности большевизма. Сочетая азиатскую жестокость и варварство с доктринами антиколониализма, маоизма и сталинизма, узурпаторы объявили о начале «революционного эксперимента» для построения в Камбодже «стопроцентного коммунистического общества», и погрузили страну в омут террора.

Были отменены деньги, ликвидированы школы и вузы, религия, чтение и письменность оказались под строгим запретом. Литературные слова заменялись коммунистическим новоязом, стандартные для языков Юго-Восточной Азии формы вежливости — упразднены. Летоисчисление началось с нулевого года, были разорваны почти все международные связи (остались только с Китаем, Северной Кореей, Францией и Албанией). Отменялась семья.

Был провозглашён курс на создание самодостаточной экономики, основанной на сельском хозяйстве. Полная коллективизация заняла менее двух лет. Под предлогом «эвакуации от американского наступления» жителей городов переселили в сельскую местность, где их в тяжелейших условиях заставляли заниматься мало-квалифицированным физическим трудом. Всего за две недели население столицы республики — Пномпеня было сокращено таким образом с 2 млн. до 60 тыс. человек — практически всех жителей мегаполиса отправили в специально созданные коммуны выращивать рис.

И, как и в Советской России во время Гражданской войны, попытка построения коммунизма в Камбодже сопровождалась преследованием и уничтожением целых сословий. Ещё до своей победы «красные кхмеры» стали создавать на подконтрольных им территориях так называемые «освобождённые районы», в которых были опробованы новые методы социально-политического устройства будущей Демократической Кампучии.

Жители городов и селений, длительное время находившихся под властью свергнутого правительства, объявлялись гражданами второго сорта.

Физическому истреблению подлежали представители прежней камбоджийской элиты — священнослужители, интеллигенция, военнослужащие, чиновники.

Немедленному уничтожению подвергались все, знающие иностранные языки и носящие очки.

Массовые бессудные казни отличались предельным садизмом. Людей забивали мотыгами, давили бульдозерами, бросали на съедение крокодилам, перерезали горло листьями сахарной пальмы. Как способ умерщвления расстрел практиковался сравнительно реже.

Всего за три с половиной года правления «красных кхмеров» население страны уменьшилось в результате террора и голода, по разным оценкам, на 1,7–3 млн. человек, то есть примерно на 20–40%.

(Для сравнения: суммарные потери обеих сторон во время Гражданской войны в Камбодже 1967–1975 гг. составили около 500–600 тыс. человек, а всё население Камбоджи в 1970 г. насчитывало около 7 млн. человек).

Характерно, что подобно многим деятелям российского большевизма (и, прежде всего, главным революционным вождям — Ленину и Троцкому), лидер «красных кхмеров», Пол Пот (настоящее имя Салот Сар), происходил отнюдь не из бедных. Его отец был крупным помещиком, а родная сестра стала официальной наложницей короля. Сам кампучийский диктатор в молодости учился во Франции, что также свидетельствует о его немалом достатке. В личном общении Пол Пот был мягкий, культурный, обаятельный человек; ценитель французской поэзии, сам писал стихи. Даже избранный им псевдоним «Пол Пот», был сокращением от французского *politique potentielle* («могучий политик»). Интеллектуалами были и соратники Пота, учившиеся вместе с ним в Париже. Идеолог режима Кхиеу Самфан в 1959 г. защитил в Сорбонне докторскую диссертацию на тему «Экономика Камбоджи и её проблемы в связи с индустриализацией». Другой соратник Пол Пота, Иенг Сари, также учился в Париже, где встречался с деятелями французского левого движения, в том числе и с известным философом Жан-Полем Сартром.

В целом, сходство двух «красных» режимов (прежде всего, в вопросе практикуемых ими методов) поистине поражает. Разница лишь в том, что до революционных потрясений 1917 г. Российская империя была достаточно развитым европейским государством, а Камбоджа до прихода к власти Пол Пота — заурядной азиатской отсталой страной.

Тем не менее, противостоящие «красным кхмерам» режимы (вначале монархическое правительство принца Нородома Сианука, затем пришедшая ему на смену военная диктатура бывшего королевского премьер-министра генерала Лон Нола, ставшего впоследствии первым президентом провозглашённой Кхмерской республики) совершили практически те же ошибки, что и российская контрреволюция в годы Гражданской войны. Это:

— чрезмерная опора и упование на иностранную экономическую и военную помощь;

— отсутствие объединяющей национальной идеи, которая одинаково могла быть воспринята как городским населением, так и крестьянскими массами;

— неразрешённые экономические проблемы, и, прежде всего, аграрный вопрос. Крестьяне, составлявшие большинство населения Камбоджи, прозябали в нищете и бесправии, что, в свою очередь, облегчало распространение в их среде леворадикальных идей «красных кхмеров».

— неспособность центральных властей справиться с дезорганизацией тыла, коррупцией и разложением внутри армии.

Все перечисленные факторы в своей совокупности привели к падению прежней власти и установлению в 1975 г. коммунистической диктатуры.

Трудно поверить, но поначалу городское население не восприняло приход «красных кхмеров» как катастрофу. Уставшие от многолетней войны люди надеялись, что после окончания боевых действий жизнь, пусть и не сразу, но возвратится в мирное русло. Точно такие же иллюзии испытывали в первые месяцы после ликвидации фронтов Гражданской войны жители Юга и Востока России — территорий, на протяжении долгого времени находившихся под властью антибольшевицких правительств.

Но, как и в случае с «красными кхмерами», одержанная российскими большевиками победа в кровопролитном междоусобном конфликте не привела к установлению гражданского мира, но ознаменовалась новым всплеском насилия — войны, ведущейся победителями с поверженным и безоружным врагом.

Однако, если в России военно-коммунистические методы построения «нового общества» в конце концов спровоцировали мощные вооружённые выступления (восстания в Тамбовской губернии и Западной Сибири, Кронштадтское восстание), вынудившие тогдашнее партийно-советское руководство на время отказаться от радикальных планов переустройства, то население «Демократической Кампучии» не оказало такого сопротивления, и было практически сразу превращено в податливый материал.

Многовековые буддистские традиции смирения и покорности сыграли на руку Пол Пота. Невероятно, но люди в Камбодже верили, что творившийся повсеместно кошмар вызван суровой необходимостью, временен, а значит, нужно лишь потерпеть.

С уверенностью можно сказать, что Пол Пот правил бы Кампучией долгие годы, не ввязавшись он в военный конфликт с Вьетнамом.

Обстоятельства падения режима «красных кхмеров» в январе 1979 г. в результате вторжения вьетнамских войск также, пускай и с определенными оговорками, дают благодатную почву для аналогий с событиями советской истории, но уже не периода Гражданской войны, а более позднего времени — конца 1930-х — начала 1940-х гг.

Подобно тому, как власти СССР накануне известных событий 22 июня 1941 г. не считали предосудительным взаимодействовать с правительством нацистской Германии — так же и «красные кхмеры»

до определённого времени прекрасно находили общий язык с вьетнамскими коммунистами.

Во время Вьетнамской войны территория Камбоджи использовалась коммунистическими формированиями Северного Вьетнама для размещения сети базовых лагерей и складов. Поначалу северовьетнамская армия активно помогала «красным кхмерам» в борьбе против режима генерала Лон Нола, но разногласия между союзниками были столь велики, что уже в 1972–1973 гг. Северный Вьетнам отвёл свои войска с линии фронта.

Практически сразу после окончания Гражданской войны в Камбодже и установлении власти Пол Пота отношения между двумя коммунистическими режимами начали стремительно ухудшаться. Начиная с 1975 г., «красные кхмеры» неоднократно переходили границу с Вьетнамом и совершали налёты на близлежащие поселения, во множестве убивая их жителей. Одно из этих селений, Бачук, располагавшееся в провинции Анзянг, в апреле 1978 г. было вырезано до последнего человека. Количество погибших в ходе этой варварской акции составило около 3 тыс. человек. Одновременно полпотовцы выступили инициаторами внутри своей страны массовой антивьетнамской пропагандистской кампании, в ходе которой выдвигались воинственные лозунги вроде «Готовы воевать с Вьетнамом 700 лет!», «Мы победили сильнейшую державу мира (США — Д. С.) — значит, перед нами не устоят ни природа, ни вьетнамцы», и т. п.

Естественно, такие действия «красных кхмеров» не могли остаться безответными, и в конце 1978 г. Вьетнам начал полномасштабное вторжение в Камбоджу. «Прекрасно» себя зарекомендовавшие в карательных операциях и массовых убийствах безоружных людей, формирования полпотовцев (участниками которых нередко являлись подростки и дети) были не в состоянии оказать наступающим вьетнамским войскам сколь-либо серьёзного сопротивления. 7 января 1979 г. вьетнамцы захватили Пномпень.

К их чести, после оккупации Камбоджи вьетнамские коммунисты не стали повторять тех безумств, которые во время советско-нацистской войны совершили германские национал-социалисты. Выступив в роли освободителей камбоджийского народа от тирании Пол Пота, вьетнамские оккупационные власти не стали пытаться ликвидировать камбоджийскую государственность, а сформировали подконтрольное им правительство, в которое вошли представители различных левых политических сил (в том числе и некоторые бывшие «красные кхмеры»).

Так одни коммунисты, исповедующие более «цивилизованную» разновидность «передового учения», отстранили от власти других, придерживавшихся воззрений более архаичных, но в то же время — гораздо более близких к истокам.

Хотя режим «народной демократии», установленный в Камбодже после прихода вьетнамцев, был вовсе не идеален, в сравнении с предшествовавшей ему террористической диктатурой полпотовцев он выглядел абсолютно приемлемым.

09/2011

При этом занятие большей части страны вьетнамскими войсками не привело к немедленному её умиротворению. Вытесненные в джунгли, «красные кхмеры» продолжали сопротивление ещё на протяжении двадцати лет, по-прежнему оставаясь самой влиятельной военно-политической группировкой Камбоджи.

Подобно тому, как руководство СССР, в 1920–1930-е гг. истребившее миллионы собственных граждан, вскоре после начала войны с нацистской Германией стало апеллировать к патриотическим чувствам народа, сделав лейтмотивом своей пропаганды идею защиты Родины от иноземного порабощения, — полпотовцы на протяжении долгого времени довольно успешно позиционировали себя в качестве борцов с вьетнамскими оккупантами и их местными ставленниками.

Опираясь на иностранную помощь и собственные ресурсы (контролируя лесоразработки, добычу рубинов и торговлю в приграничных районах) «красные кхмеры» сформировали собственную сферу влияния, удерживая позиции в районе тайской границы, а также располагая тыловыми базами на территории Таиланда. Предпринимаемые ежегодно попытки вьетнамских оккупационных властей ликвидировать партизанские базы не приносили желаемых результатов. Так как формируемая при участии вьетнамцев армия Народной Республики Кампучия была ещё достаточно слаба, чтобы противостоять «красным кхмерам», Вьетнам продолжал держать в стране значительный воинский контингент с постоянной численностью 170–180 тыс. человек. Будучи вовлечена в затяжную войну, за время оккупации вьетнамская армия потеряла убитыми порядка 25 тыс. (для сравнения: за 9 лет Афганской войны погибло около 15 тыс. советских военнослужащих).

Вьетнамская армия покинула пределы Камбоджи в 1989 г., а в 1991 г. были подписаны соглашения о прекращении огня. В 1993 г. в стране под контролем ООН прошли свободные выборы, в результате которых к власти пришло коалиционное правительство (куда вошли некоторые бывшие «красные кхмеры»), была восстановлена конституционная монархия (на трон взошёл Народом Сианук).

Но лишь в середине 1990-х гг. движение «красных кхмеров» пошло на спад. Всё больше рядовых бойцов и командиров партизанских отрядов отказывались от вооруженной борьбы и принимали правительственную амнистию. Пол Пота соратники отстранили от руководства и поместили под домашний арест. 15 апреля 1998 г. диктатор скончался в своём убежище в джунглях на границе с Таиландом. Как утверждали его приближённые, смерть наступила во сне от сердечного приступа. Тело Пол Пота сожгли.

Возвращаясь к оценке преступлений полпотовцев и их поразительной схожести с «почерком» советских коммунистов в первые десятилетия их правления, нельзя оставлять без внимания один примечательный факт. Поначалу приветствовавшие приход «красных кхмеров», власти СССР в скором времени поспешили откеститься от режима Пол Пота, обвинив его в искажении коммунистического учения.

Они же первыми предложили формулировку «геноцид собственного народа» относительно трагических событий в Камбодже и с 1979 г. вместе с вьетнамцами стали использовать её в своей пропаганде.

История полна парадоксов. Система, которая на заре своего становления являла собой довольно близкий аналог полпотовщины, практикуя в государственных масштабах уничтожение целых общественных групп, десятилетия спустя осудила подобные методы, пускай и сделала это своеобразно. Пытаясь заглушить неприятный факт, что главари «красных кхмеров» были последовательными и верными коммунистами, советская сторона изображала их как «преступную клику», а самого Пол Пота — как азиатскую разновидность Адольфа Гитлера.

По-видимому, тогдашним кремлевским правителям и в самом деле было трудно принять такое потрясающее своим убийственным сходством с событиями ранней советской истории практическое воплощение идеи строительства «светлого завтра». Глядя в кампучийское зеркало, некоторые из них, возможно, с ужасом узнавали в нём собственные уродливые черты...

Как бы там ни было, преступления режима Пол Пота были преданы международной огласке во многом именно благодаря усилиям СССР и Вьетнама. Это, в свою очередь, сыграло заметную роль в кризисе коммунизма и марксизма на Западе.

История с «красными кхмерами» даёт ещё одну горькую аналогию с событиями советской и российской истории. На этот раз уже применительно к позднему времени. Приняв правительственную амнистию, многие бывшие активные функционеры движения успешно интегрировались в государственные структуры Камбоджи, вошли в её деловую элиту. Лишь в 2006 г. был создан Специальный трибунал по расследованию преступлений полпотовцев. Однако в работе этого судебного органа нынешние власти страны фактически не заинтересованы (справедливо опасаясь вскрытия на суде неприглядных фактов биографий многих ведущих своих представителей).

С момента учреждения трибунала на скамье подсудимых оказались наиболее одиозные руководители «красных кхмеров», однако неспешный ход разбирательства вполне позволяет предположить, что многие из них имеют хорошие шансы умереть своей смертью, не дождавшись возмездия.

В то же время, если преступления режима Пол Пота справедливо классифицируются как геноцид, а главные организаторы массовых казней в Камбодже всё же предстали перед судом, то большевицкие злодеяния (в особенности, совершённые во время Гражданской войны) по-прежнему не получили должной политической и моральной оценки со стороны первых лиц государств на всём постсоветском пространстве. Как следствие, даже сейчас, спустя более двух десятилетий с момента падения коммунистического режима, находятся люди, пытающиеся оправдывать ленинско-сталинскую политику массового террора какой-то «исторической необходимостью» либо «высокими достижениями» позднейшего времени.

Александр Гогун, Владимир Гинда

...Как высшая стадия колониализма

Работа сотрудницы германского института современной истории Венди Ловер «Строительство нацистской империи и Холокост в Украине» (далее в скобках ссылки на страницы украинского издания), ранее опубликованная в США и вызвавшая в Америке позитивные, даже восторженные отклики [1], издана на украинском языке [2]. Название книги не вполне соответствует содержанию. Монография представляет собой образец того, что на немецком языке называется «Fallstudie» — исследование определённого процесса или явления на частном примере. В данном случае объектом изучения стала не вся Украина, а генеральный округ «Житомир», включавший в себя Винницкую и Житомирскую, западные части Киевской области, а также юго-восток Белоруссии.

Поскольку с момента открытия бывших советских архивов подобных документированных работ по оккупации Восточной Европы появилось не так уж и много [3], то монография не может не вызвать внимания заинтересованного читателя.

Помимо публикаций на пяти языках, книга базируется на материалах архивов Германии, США, Чехии и Украины. Основной массив источников привлечён из Государственного (Державного) архива Житомирской области (ДАЖО), тех фондов, которые до сих пор недоступны сторонним учёным.

Работа состоит из введения, заключения, восьми тематических разделов, сформированных по проблемно-хронологическому принципу: «Нацистский колониализм и Украина», «Военное завоевание и социальное переустройство, июль-август 1941 г.», «Администрация Вермахта в Житомире», «Прокладываемая дорога геноциду», «Генеральный комиссариат “Житомир”, 1942–1943 гг.», «Машина уничтожения в Генеральном комиссариате», «Колония Гимmlера в “Хегенвальде”: Эксперименты нацистов по переселению и фольксдойче», «Закат правления нацистов, 1943–1944 гг.». Девятый раздел, представляющий собой заключение, носит заголовок «Отголоски нацистского правления».

Если большинство историков до сих пор рассматривает гитлеровские планы покорения Восточной Европы как результат своеобразного полоумия национал-социалистов, то автор развивает тезис о том, что агрессивный империализм Третьего Рейха опирался на глубокую, извилистую и гибкую, а потому живучую, ядовитую традицию германского шовинизма. Таким образом, нацизм предстаёт перед читателями как высшая стадия колониализма.

Благодаря тщательной работе с документами нацистской администрации низового и среднего уровня автор убедительно показал, что сотрудники оккупационного аппарата не являлись бездумными исполнителями планов, высылаемых из Берлина, а были наделены определённой свободой действий. В этом смысле гитлеровцы следовали существующей по сей день немецкой практике управления. В рамках закона у исполнителя существует «пространство манёвра» при принятии решения по многим конкретным, порой даже животрепещущим вопросам. В Германии это правило, как ни странно, не приводит к повальному измождению. Но в Украине, обладающей обычаями кумовства и подношений, коррупция стала разъедать оккупационный аппарат. Тем более, что его функционеры на местах были весьма далеки от образа уберменшей, причём как командный состав СС и полиции, так и гражданская администрация. Если нацистское офицёрство рисуется автором как кровавый сброд, то чинуши как «восточные неудачники» (нем. — Ostnieten), дорвавшиеся до власти маргиналы, самовлюблённое отребье, прибывшее в бедную и пострадавшую от большевизма страну с целью избавления от собственного комплекса неполноценности. Внутренняя мотивация переезда в Украину этих горе-руководителей, охотно становившихся извергами, а также их представления о новых подчинённых вполне передаётся пословицей: «Молодец среди овец».

Пожалуй, единственным вопросом, в котором взяточничество на германскую администрацию не действовало, было истребление евреев.

Интерес представляет и описание Венди Ловер внутрисистемных конфликтов между гражданской администрацией и полицейскими структурами. Эта линия противодействия была обозначена Александром Даллиным в его классической работе о германской оккупации СССР, но рецензируемая монография дополняет тезис конкретикой.

Много нового в книге можно узнать и о воплощении планов германизации Украины, в частности, создании подчинёнными Гимmlера на севере Житомирщины немецкой колонии-поселения, самокритично названного нацистами «заповедником» (Hegewald).

При всём этом в работе присутствуют как ошибки, так и пробелы в повествовании, а также фрагменты, которые могли бы быть написаны по-другому.

Чувствуются изъяны в историографической базе исследования.

В частности, утверждается, что «На 1914 год Германия была третьей из самых крупных империй» (с. 39). Однако самыми обширными были Британская, Французская державы и СССР.

Не обозначены особенности исследуемого региона по сравнению с другими областями Центральной и Восточной Украины. Поскольку территория, состав-

[Рец. на кн.:] Lower Wendy. Nazi Empire Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. — 307 S. Статья написана благодаря финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf).

вившая основу генерального округа Житомир в 1920–1939 г. обладала статусом приграничной зоны, то там наблюдался особо сильный политический контроль, что, как известно, приводит к укоренению костности.

В описании низовых чиновников оккупационной администрации, преимущественно украинцев, можно встретить обобщение: «Почти у всех у них было среднее школьное образование, и они принадлежали к профессиональным группам учителей, врачей, священников и библиотекарей» (с. 74). В СССР такими профессиями имели право заниматься люди, обладавшие высшим образованием.

Использование устаревших результатов исследований показывает эмоциональный пассаж об участии представителей местного населения в Холокосте: «...В житомирском краю украинцы не составляли коллективных планов и не учиняли массовых убийств своих евреев-соседей отдельно от немцев» (с. 83). Не всегда правильной представляется используемая лексика.

Калькой с русистского термина «*Volksdeutsche*» является словосочетание «этнические немцы», повсеместно без кавычек употребляемое в книге. Поскольку проживавшие в Восточной Европе немцы в XIX–XX вв. подверглись ассимиляции, то на 1941 г. значительная часть, если не большинство тех, кого нацисты считали соплеменниками, не являлись немцами. В указанном случае для обозначения данной группы можно использовать (в том числе в кавычках), термин эпохи — «*фольксдойче*» (он, к слову, в книге встречается, но изредка), либо оперировать несколько громоздким, но зато точным определением «украинские немцы» и «граждане УССР немецкого происхождения».

Возражение вызывает и термин «арийцы» — тоже без кавычек, и задействованный в том значении, которое ему придавали лидеры НСДАП. Несмотря на специфическую коннотацию, это слово вполне научно. Оно является обозначением представителей индоевропейской языковой семьи. К ней, как известно, относятся и украинцы, а также, например, население Либерии, Пакистана и Боливии.

Ничего, кроме печальной улыбки, не может вызывать постоянное наименование колхозников «украинскими фермерами».

Материальные поощрения, которые раздавали нацистские власти наиболее ревностным служащим «нового порядка», определяются в книге как «подкуп» и «взятка» (с. 222). Однако, коррупция характеризуется, во-первых, тайным характером сделки, во-вторых, незаконным оборотом средств или услуг. В случаях, когда власть открыто мотивирует подчинённых, оформляя эти действия в юридические акты, правильные термины для этих выплат: премия и награда.

Некорректным выглядит наименование гетмана Павла Скоропадского как националиста (с. 42) и упоминание безымянных «украинских националистов», притеснявших немцев Житомирщины сразу по окончании Первой мировой войны (с. 37). Украинский национализм — чуть более позднее явление, а лидеры УВО и ОУН презирали Скоропадского за консерватизм и монархизм.

Недостатком перевода можно объяснить появление в украинском тексте слова «штетл» (идиш — *Shtetl*), используемого для обозначения традиционных еврейских поселений. Во всех восточнославянских языках они назывались «местечками». Также непонимание вызывает украинская транскрипция фамилии Г. Геринга («Гьорінг»), хотя принятое в Украине написание — «Герінг».

Зачастую неверно обозначены населенные пункты и их административно-территориальная принадлежность и статус. В частности, село Вороновица в книге отнесено к Немировскому району Винницкой области (с. 144), однако оно относится к Винницкому району.

Ряд терминологических конструкций грешит категоричностью: «С точки зрения украинцев Житомирщины, схожесть оккупационного режима нацистов и Советов была поразительной» (с. 235). Для обоснования приводится несколько высказываний отдельных представителей местного населения, однако не указывается источник. Хотя, по словам самой Ловер, население Житомирщины с нетерпением ожидало возвращения большевиков. Отметим также, что в культуре памяти и нынешней Житомирской области советская идеологическая доминанта господствует. Даже среди маргинальных политиков и историков указанного региона не принято называть советский режим оккупационным. А в книге словосочетание «советская» или «сталинская оккупация» (с. 232, 239) мирно соседствует с термином «освобождение» применительно к продвижению Красной армии.

В ряде случаев отсутствует источниковедческий анализ.

Описание массовой казни евреев на рыночной площади Житомира приводится на основании свидетельств немецких солдат, к тому же данных в ходе судебного разбирательства (с. 105), т.е. с целью выгородить себя и сослуживцев. Поэтому выглядит сомнительной общая картина, когда толпа местных жителей единой фразой (после репетиций?) предлагает палачам свести счёты «С тем или иным евреем». Не более реалистичной представляются и почерпнутые из того же источника сведения, что «женщины-украинки держали над головами своих детей». Эти данные расходятся со здравым смыслом: большинство детей боится и страшной сказки, вид же убийства как минимум травмирует ребёнка, а то и приведёт к его сумасшествию. Кроме того, казни происходила в июле 1941 г. При этом советские агенты в отчётах о событиях в Житомире [4] утверждали, что население города вело себя осторожно, заняв в отношении немцев выжидательную позицию. А представленная в книге картина косвенно противоречит и этим аутентичным свидетельствам.

Несколько свидетельств переживших Холокост, касающихся участия украинцев в этом злодеянии, дополняются выводом: «...Немецкие должностные лица провоцировали погромы, но они не желали пачкать собственные руки в крови, поскольку местная милиция (украинцы и этнические немцы), антисемиты и грабители были очень готовы в этом услужить» (с. 118).

Сноска указывает: обобщение опирается на рапорт одного из немецких уполномоченных из Луцка (т.е. снова из-за пределов изучаемого региона), сославшегося на слова тамошней безмянливой украинки, якобы прошептавшей ему на ухо о необходимости избавиться от евреев как от «злых язычников».

В книге встречаются и спорные трактовки источников. Так из немецкого недельного отчета от 15 мая 1942 взята информация о том, что полиция обнаружила в Житомире типографию фальшивых удостоверений личности и литературы украинских националистов бандеровцев. Немцы были обозлены тем, что нашли расписки, которые указывали на то, что националисты продавали поддельные документы евреям. На основе этого отчета указывается: «В действительности бандеровцы финансировали деятельность своих местных активистов за счёт вымогательства денег у евреев...» (с. 215)». Получается, даже не продавали удостоверения, а просто вымогали деньги.

Однако в Житомирском государственном архиве хранится отчет следователей СД в отношении этого дела, где указано: «...Установлено, что украинские националисты поставляли фальшивые паспорта не только своим членам, но и евреям» [5]. О продаже не сказано ни слова.

Как видно из подбора источников, в целом книга следует линии плоского описания оккупационной политики Третьего Рейха сквозь призму документов завоевателей [6]. В частности, упущен массив документов киевского архива ЦДАГО: сведения, собранные агентурой и отрядами НКВД УССР, партийного подполья, партизанских формирований, составленные аналитиками справки и сводки, то есть огромный пласт ценнейших источников, обрисовывающих ситуацию на местности. Не использованы фонды Винницкого областного и городского архивов, а также белорусских архивов. Т.е. лишь меньшая часть территории генерального комиссариата «Житомир» представлена должным образом. Пожалуй, не лишним было бы и использование материалов подполья ОУН и рейдовых отрядов УПА, хранящихся в ЦДАВО и ДАРО. Привлечение всех этих источников могло бы сделать повествование многомерным.

Поэтому ничто не описывается так поверхностно, как действия советских диверсантов, националистических повстанцев, массовой культуры.

К «панорамным» мазкам относится следующий: «Региональные гражданские войны вспыхивали между разными этническими и политическими группами (сталинисты, коммунисты, националисты, сионисты), которые, с одной стороны, хотели победить нацизм, а с другой — пытались установить собственную власть на территориях, которые в своё время пребывали под немецкой оккупацией» (с. 212). Во-первых, межпартизанское противостояние в Украине 1943–1944 гг. нельзя назвать гражданской войной, т.к. оно являлось сплетением межэтнических конфликтов с национально-освободительной борьбой (сепаратизмом). Во-вторых, странным выглядит разделение комму-

нистов и сталинистов. В-третьих, информация о том, что в генеральном округе «Житомир» сражались сионисты, которые к тому же «пытались установить собственную власть на территориях», до настоящего момента в историографии не встречалась.

В описании действий партизан применяется классификация по разным основаниям: «Возмущённые украинцы, поляки и советские партизаны нападали на них [фольксдойче]» (с. 213). Две этнические группы отделяются от военно-политической силы. А ведь в исследуемом регионе на фольксдойче нападали только советские партизаны, состоявшие преимущественно из украинцев, но включавших в свои ряды и польское меньшинство.

Порой в исследование механически переносятся как представления оккупантов о событиях в регионе, так и их стиль: «В житомирском регионе партизанское движение в большинстве своём охватывало украинские националистические группы, кочующие банды (sic! — авт.) борцов сопротивления, и большие сталинские партизанские бригады, направленные из Москвы (например, конная бригада им. Ленина)» (с. 214). Названное формирование возникло в феврале 1943 г. на базе перешедшей к партизанской борьбе подпольной группы на территории Винницкой области, и через год, достигнув 800 человек, было развёрнуто в кавалерийскую бригаду.

Не совсем верные цифры используются в отношении этнического состава украинских партизанских формирований: «Хотя население региона было украинским на 80 или 90 процентов, сталинские бригады состояли только наполовину из украинцев, в то время как националистические силы под руководством Андрея Мельника и Степана Бандеры были, что очевидно, в основном украинскими (минимум на 70%)» (с. 214). Ссылка показывает корень ошибки: спутаны злейшие враги — руководитель одной из фракций ОУН Андрей Мельник (к слову, в тот момент «отсживавшийся» в Заксенхаузене) и Яков Мельник, командир советского Винницкого партизанского соединения, как раз и состоявшего на 70% из украинцев.

78% личного состава самого крупного партизанского соединения Житомирщины — дивизии им. Щорса, являлось представителями титульной национальности [7]. И это не было исключением [8].

Неправильным является утверждение о том, что Сидор Ковпак попал в исследуемый регион по воздуху, как и другие «...советские партизаны, доставленные в эту местность на парашютах» (с. 216–217). В регион самолётом был заброшен Сергей Маликов, который в книге назван Малиновым (с. 216). А Сумское соединение пришло на территорию Житомирщины в конце 1942 г. в ходе знаменитого Сталинского рейда. Важно и то, что большинство партизанских формирований Правобережной Украины было создано посланными с Левобережья партизанами преимущественно из местного населения.

Перечисляется ряд грабительских атак «народных мстителей» на немецкую колонию «Хегевальд»:

09/2011

«Советские партизаны (переименованные Сталиным в войска Красной армии в тылу) направили своё внимание на эту важную крепость нацистов» (с. 219). Приказа «вождя народов» о необходимости называть партизан красноармейцами до настоящего момента не выявлено. А материалы УШПД и подчинённых ему отрядов, оперировавших вокруг Хегевальда, показывают: колонии фольксдойче не интересовали центры руководства партизанами, да и внимание самих диверсантов привлекали редко. Для подтверждения мысли о том, что советские оперативники стремились убить Гитлера во время его визита в Хегевальд следует ссылка на несуществующий номер журнала «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВС-КДБ» (№ 1/2 1999).

В главе «Женщины и партизанское движение» описывается ранее неизвестный, единичный факт, когда женщина возглавляла партизанский отряд, или, точнее, группу выживания (с. 223–227). Однако ни слова не сказано о печальной повсеместно распространённой практике обеспечения командного состава соединений т.н. «ППЖ» — «походно-полевыми», или «походно-партизанскими жёнами». А это приводило к снижению авторитета «народных мстителей» у населения и негативно сказывалось на мобильности и дисциплине отрядов.

Существенным упущением является отсутствие материала о советском подполье Житомира, Винницы и других городов региона. Название главы «Отношения между населением житомирского региона и партизанами» (с. 220–223) не соответствует содержанию. В нём всё сводится к противостоянию старост сёл и партизан и репрессиям немцев по отношению к крестьянам, но ни слова не сказано об отношении партизан и мирных жителей.

Существование на исследуемой территории отрядов националистов-мельниковцев (с. 214, 219) является легендой. Перекочевал этот «факт» в рецензируемую монографию из книги Джона Армстронга «Украинский национализм» [9], куда, в свою очередь, попал из воспоминаний мельниковца Олега Штуля.

Ссылками на работы известного парижского специалиста Владимира Косика подкрепляется описание «объединения» различных групп националистов: «У Боровца, Мельника и Яценюка (который, к слову не являлся, как указано в книге с подачи того же Армстронга, независимым партизанским командиром [10]. — *авт.*) не было другого выбора, кроме как объединить свои националистические движения под руководством наиболее воинственного и популярного националистического вожака — Бандеры» (с. 219–220), который в 1942–1944 гг. находился в Заксенхаузене. На ту же работу автор ссылается и в продолжении мысли: «Слияние националистических партизан под командованием Бандеры означало, что объединяющий подход в этой борьбе, наконец, победил» (с. 220). Между тем, триумф «объединяющего подхода» был следствием разоружения и убийств бандеровцами конкурентов с последующим насильственным переподчинением себе остатков этих отрядов.

Параграф «Украинские школы и массовая культура» (гл. 8. с. 146–147) в книге занимает чуть больше страницы, и настолько упрощён, что его можно было вообще не давать. В отношении образования отмечается, что «сперва комиссары возобновили работу украинских средних школ. Но на конец 1942 г. работа школ высшего начального уровня стала просто фарсом, потому, что дети тринадцатилетнего возраста входили в число тех, кого забирали на принудительные работы» (с. 146). Ничего не сказано даже о самом наличии среднетехнических и высших образовательных заведений, изменении учебных программ, влиянии на образовательный процесс украинских националистов и советских агентов и партизан, конфликте во взглядах на образование в Украине между А. Розенбергом и Э. Кохом [11]. Данные по-этим вопросам в изобилии наличествуют в доступной тогдашней прессе региона, а также в документах фондов городских и областных управ Житомира и Винницы.

В действительности только в Винницком гебите в 1943 г. функционировало 45 семилетних школ [12], в Житомирском — 23 [13], в Гайсинском, кроме начальных, существовало и несколько семилеток [14]. Кроме того, в регионе был открыт ряд среднетехнических заведений и институтов. В генеральном округе в период оккупации, в разное время, обучение проводилось в следующих высших и среднетехнических заведениях: институтах — медицинском (Винница), педагогических (Винница, Житомир), высшей ремесленной и сельскохозяйственной школах, сельскохозяйственных школах среднего уровня в ряде сёл, педагогических семинариях в ряде городов, техникумах: фармацевтическом, медицинском, строительном, энергетическом.

Полностью отсутствует информация о работе в регионе культурно-просветительских организаций «Просвещение», Студенческого украинского националистического союза (СУНС), Женской службы Украины (ЖСУ), имевших непосредственное отношение к тогдашней культурной жизни.

Некоторые стилистические особенности повествования могут сбить читателя с толку. Указывается, что «в Житомире немцы и их пособники убили 180 тыс. евреев за период с лета 1941 по осень 1943 года» (с. 95). Во-первых, не указан источник данных. Во-вторых, в октябре 1941 г. население Житомира насчитывало всего 36 тыс. 638 человек, из них евреев 331 человек [15]. Очевидно, что речь идёт о жертвах во всём генеральном округе «Житомир», а не о его столице.

Да и отбор фактического материала вызывает замечания. Зверства, убийства, пытки, казни описаны в книге подробно, детализованно и одновременно с размахом. При этом экономике, едва ли не главному измерению строительства любой империи, посвящено две с половиной страницы (с. 125–128).

Ко всему прочему, структура монографии делает восприятие материала разорванным: слишком большая часть повествования вынесена в примечания.

Несмотря на обозначенные недочёты, книга приближает читателя к пониманию Второй мировой войны вообще и нацистской оккупации Украины в частности. Введены в научный оборот новые данные. Есть и тезисы, которые можно перенимать, развивать, или, наоборот, опровергать. Поэтому, после исправления ошибок и несурзностей, улучшения организации повествования, внесения документальных и тематических дополнений, а также замены названия на более адекватный заголовок работа вполне заслуживает не только перевода на немецкий и русский языки, но и англоязычного и украинского переизданий.

1. Выдержки из рецензий см.: http://uncpress.unc.edu/browse/book_detail?title_id=1314
2. *Лауер Венді*. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні/Пер. з англ. С. Коломійця, Є. Ровного. — К.: Зовнішторгвидав України; Український центр вивчення історії Голокосту, 2010. — 368 с.
К сожалению, большинство конкретных ошибок американского издания, на которые было указано в критической рецензии, перенесены в украинский перевод без исправлений. Этот факт ещё более печален, если учесть, что автор признала правоту замечаний (*Ловер В.* Зауваження до рецензії Дерейко І./Голокост і сучасність І № 1 (3) 2008. С. 170//www.holocaust.kiev.ua).
3. *Weiner, Amir* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. — Princeton, NJ [a. o.]: Princeton University Press, 2001; *Chiari, Bernhard* Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944. — Düsseldorf: Droste, 1998; *Brakel, Alexander* Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Branovicze 1939–1944: Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher Besatzung. — Berlin: Schöningh, 2009; *Felder, Björn M.* Lettland im Zweiten Weltkrieg. Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern 1940–1946. — Paderborn: Schöningh, 2009.
4. ДАЖО. Ф. 1376. Passim.
5. ГАЗО. Ф. 1151. Оп. 1. Спр. 14. Арк. 14 зв.
6. *Arnold, Klaus Jochen* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegsführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». Berlin: Duncker & Humblot, 2005; *Pohl, Dieter* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. — München, 2008; *Hartmann, Christian* 1) Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland 1941/42. — München: Oldenburg, 2009. 2) Die deutsche Krieg im Osten: 1941–1944; Facetten einer Grenzüberschreitung. — München: Oldenburg, 2009; Hasenclever, Jörn Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion: die Befehlshaber der rückwärtigen Heersgebiete 1941–1943. — Paderborn [u. a.]: Schöningh, 2010.
7. ЦДАГО. Ф. 67. Passim.
8. См. этнический состав соединений, представленный в справочнике: Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): Науково-довідне видання/Автори-упорядники: О. В. Бажан, А. В. Кентій, В. С. Лозицький та ін. К., 2001. Passim.
9. *Armstrong, John* Ukrainian Nationalism. 3rd ed. Englewood, Colo: Ukrainian Academic Press, 1990. P. 108.
10. *Кентій А.* Нариси історії українських націоналістів 1941–1942. К., 1999. С. 138; *Верига П.* Втрати ОУН в Другій світовій війні. Торонто, 1991. С. 163.
11. *Єржабкова Б.* Шкільна справа та шкільна освіта в рейхскомісаріати «Україна» (1941–1944) у світлі німецьких документів. К., 2008. — 272 с.
12. ДАВО. Ф. Р. 1112, Оп. 1. Спр. 135. Арк. 38.
13. ДАЖО. Ф. Р. 1154. Оп. 1. Спр. 13. Арк. 1.
14. Гайсинська газета. — 1943. — 5 вересня.
15. ДАЖО. Ф. 1153. Оп. 1. Спр. 7. Арк. 15–17.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Владимир Флёров

Храмовник XXI века

Мы уже давно привыкли тому, что относительное спокойствие в мире от времени до времени прерывается кровавыми террористическими актами исламистов или стрельбой впадающими в раж школьников. Но происшествие 22 июля в Норвегии вышло за рамки прежних событий.¹

Неизвестный доселе норвежец Андерс Беринг Брейвик поставил и потом взорвал начинённый взрывчаткой автомобиль у комплекса правительственных зданий в центре Осло, где находилась канцелярия премьер-министра. Погибло 8 человек. Затем, одев полицейскую форму, он пробрался на остров Утейя, в молодёжный лагерь Рабочей партии Норвегии, и с улыбкой на лице перестрелял ещё 68 человек.

Совершив эти преступления, убийца не покончил, как обычно, жизнь самоубийством, а спокойно вызвал мобильником полицию и сдался в руки правосудия. Теперь он сидит в одиночной камере и ждёт процесса,

¹ Владимир Леонидович Флёров родился в Днепропетровске в 1921 году. Врач-анестезиолог. Учился в Днепропетровске, Граце и Франкфурте. В 1942 году вступил в НТС. Автор статей по анестезиологии, психиатрии и парапсихологии, а также статей в периодике русского зарубежья.

Ведущееся до сих пор исследование показало, что Брейвик готовил свою акцию давно: он арендовал крестьянский двор в 170 километрах от Осло и в течение почти трёх месяцев приготавливал там из химических удобрений взрывчатую смесь для своей бомбы.

Накануне акции Брейвик изложил в 1.500-страничной «Европейской декларации независимости» («2083 — A European Declaration of Independence») свои мотивы.

Сумбурные описания Крестовых походов и подвигов рыцарей Храма — темплиеров, к которым он сам себя причислил, средневековые символы смешиваются в декларации с современными действиями мусульман и христиан. Но в этом шизоидном тумане вырисовываются основные идеи Брейвика: опасность захвата мира воинствующими исламистами и борьба против них и их пособников — либерального истеблишмента Европы и Америки, по его терминологии, «культурмарксистов» и «мультикультуристов».

Является ли исламофобия Брейвика параноидным комплексом ненавидящего демократическое общество отщепенца, или за ней стоят реальные мировые проблемы?

Террор Аль-Каиды против Европы и Соединённых Штатов Америки, борьба палестинских организаций и большинства мусульманских государств против Израиля и преследование христиан в этих государствах говорят за существование воинствующего исламского движения, направленного на покорение мира.

Правда, исламисты до сих пор не объявили всемирную победу мусульман и создание мирового халифата своей основной целью, но она ощущается почти во всех их заявлениях и пропаганде. Так, в 1974 году в Генеральной Ассамблее ООН алжирский президент Бумедьен заявил: «Однажды миллионы людей оставят южное полушарие, чтобы войти и завоевать северное. И они завоюют его, заселив своими детьми. Животы наших женщин обеспечат нам победу».

Многие христианские и иудейские политики и публицисты ещё задолго до Брейвика открыто и уверенно говорили об исламистской угрозе. Писательницы Ориана Фалаци в Италии, Гизела Литтман (псевдоним *Bat Ye-or*) в Швейцарии и Елена Чудинова в России в своих романах изобразили уже захваченную мусульманами Европу.

Голландец Г. Вильдерс требовал запрет Корана, сравнивая его с «Mein Kampf» Гитлера, лидер партии шведских демократов Акессон (J. Akesson) заявил в Парламенте, что ислам является самой большой опасностью для Европы после Второй мировой войны, лидеры Австрийской партии свободы (FPÖ) назвал ис-

ламизм «фашизмом XXI века». На этой позиции стоят почти все правые партии Европы.

В последнем номере немецкого журнала «Der Spiegel» (32) появилась большая статья баварского публициста У. Шефера «Экономический джихад». По мнению Шефера, исламистский террор разрушает экономику Западного мира и является главной причиной его кризисов.

Правда, далеко не все мусульмане являются активными джихадистами. Может быть, даже большинство хочет жить в мире с немусульманами, но это большинство редко и робко осуждает террор и экстремизм своих агрессивных соотечественников.

А что касается правительственных кругов Европы и Америки, то они стараются не замечать глобальность исламизма. США завоевали Афганистан и Ирак, воюют вместе с НАТО против талибов, одновременно создав в центре Европы два агрессивных мусульманских государства: Боснию и Косово.

Правительства Европы и США ведут борьбу с террористами «Аль-Каиды», закрывая глаза на общую, заложенную в Коране, направленность мусульман на борьбу с «неверными». Оседающие в Европе мусульмане плохо интегрируются с местным населением, тендируют к созданию мусульманских анклавов.

Запад симпатизирует террористам Хазболлы и Хамаса, поставивших своей целью уничтожение Израиля.

Проблема исламской экспансии, может быть, в меньшей мере, существует и в России.

Подводя итог безумному акту Брейвика, нужно сказать, что он, с одной стороны, бросил кровавую тень на правые христианские национальные силы Европы и дал повод приравнивать их к нацистам и шовинистам. С другой стороны, в своем манифесте он указал на опасность воинствующего исламизма и на нерешительность либерально-демократических кругов перед этой опасностью.

Сергей Порохин

Крах армейских центров культуры

Июль 2011 года. Новость ошеломляющая. Дом офицеров Московского военного округа ликвидируется. Он прекращает свою культурно-просветительскую и воспитательную деятельность по приказу нынешнего Министра обороны РФ № 738 от 19 мая 2011 г. «О ликвидации Федеральных государственных учреждений культуры и искусств, находящихся в ведении Министерства обороны РФ».

И уже через 11 дней в соответствии с получением организационно-штатных указаний ГШ (от 30 мая 2011 г.) «В целях оптимизации состава войск Западного военного округа (вместо Московского и Ленинградского) их расформировать... до 1 августа 2011 года».

Таким образом, с ликвидацией Московского военного округа было принято решение среди прочих культурных центров ликвидировать и окружной дом офицеров в Лефортово. А ведь это далеко не глупость, это тонкий расчёт, а точнее вредительство на государственном уровне. И с этим выводом согласится любой офицер, любой гражданин страны. Даже в последнюю мировую войну воссоздавались дома офицеров, по образцу дореволюционных офицерских собраний. Делалось это потому, что власть, наконец, поняла, что дух армии не менее значим в войне, чем калибр орудия и толщина брони. Кто ж того не понимает, что этот Лефортовский дом офицеров в любом случае должен был быть сохранён?! Дом офицеров такого высокого уровня должен работать по своему прямому назначению — предоставлять возможность культурного отдыха офицерам и членам их семей. Ведь в Москве и Подмоскovie ещё служат и проживают сотни тысяч офицеров, в том числе офицеры в запасе и в отставке. В Москве продолжают трудиться преподаватели военных кафедр многочисленных ВУЗов, расположенных поблизости. (МГТУ им. Баумана, МЭИ и др). Да и сам район Лефортово был и остаётся центром военной науки. Академия, Военный университет, другие военные учреждения там же, в Лефортово продолжают функционировать. Здесь же, в Лефортово проживает многочисленный профессорско-преподавательский состав этих военно-учебных заведений. Также в этом районе проживают офицеры запаса — те, кто преподавал в военных академиях и в ВВУЗах раньше. Дом офицеров — это их культурно-досуговый и просветительский центр. Ведь в Доме офицеров до недавнего времени был и свой оркестр, работали и десятки образовательных, спортивных и культурных секций для молодёжи. Проходили различные концерты. Рядом с Домом офицеров находится немало чисто военных организаций, для которых, казалось, нормально функционирующий дом офицеров жизненно необходим. Но Дом офицеров ликвидируется. Я хотел переговорить с командованием Дома офицеров о даль-

нейшей судьбе центра культуры и здания, в котором он ещё находится. Но всё командование, как мне сказали охранники, находится в отпуске. Они сказали, что уже к 15 сентября здание будет передано полку охраны, расположенному рядом. Получается, что даже сотрудники Дома офицеров не знают точных сроков ликвидации государственного учреждения, где они работают. Трудно представить, что уникальное историческое здание Окружного дома офицеров решено передать другим, все его военные структуры будут ликвидированы «за ненужностью». А это — многие уникальные культурные площадки, в частности, Музей Московского военного округа, в котором собраны интереснейшие экспонаты, также — окружная военная библиотека (120 тысяч книг), военный оркестр округа, многие военно-научные секции. Не будет здесь даже места для проведения встреч и собраний членов Всероссийского общества военных охотников, закроется офицерское кафе, перестанут работать танцевальные и спортивные кружки, в которых до последнего времени занимались дети и внуки офицеров. А в прежние времена при правильной организации культурно-досуговой работы в Доме офицеров было полно офицеров и их боевых подруг. Помню, до перестройки (и перекройки армии) в пятницу, субботу и воскресенье в Доме офицеров проходили офицерские балы. Офицеры умели танцевать бальные танцы, умели по-настоящему отдыхать. Била ключом настоящая офицерская жизнь в плане культурного отдыха. Тогда офицер следил за своим языком, не матерился для связки слов как сапожник, что можно наблюдать сейчас, когда ослаблено отношение к его культурной сфере со стороны высшего руководства. Ныне в руководство армии пролезли профаны, никакого профессионального отношения к армии не имеющие, — те самые, кого в народе прозывают табуреткинскими.

С закрытием такого Дома офицеров, как в Лефортово, общественности никак нельзя мириться. Это ведь не что иное, как целенаправленный удар по армии, он многократно значимей того психологического эффекта от постоянно горящих складов с вооружением и боеприпасами. Подобные удары предназначены, как представляется мне, для возникновения паралича воли у граждан страны. А требуются от властей совершенно противоположные действия, такие, которые должны вызывать кристаллизацию духовных сил, проявление у армии и народа феномена силы духа, благодаря которому Россия побеждала врага в многочисленных войнах. Неужели эти прописные истины непонятны руководству страны? Трудно поверить! Так скорее спешите исправить свою роковую ошибку! Иначе будет поздно!

Такое решение считают губительным многие общественные организации офицеров и ветеранов военной службы, в частности, многие генералы из Клуба военачальников, члены Военно-научного общества Центра культуры МО РФ, учёные Института военной истории академии ГШ МО РФ, члены Союза писателей России.

С. А. Порохин — полковник, кандидат философских наук, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России

Памяти Ивана Буркина

В Калифорнии 4 июня 2011 г. в возрасте 92-х лет умер русский поэт Иван Буркин. Своеобразный поэт, жизнелюбивый и трудолюбивый человек. Родился он в Пензе 5 февраля 1919 г. В краткой автобиографии, написанной за два года до смерти, Иван Афанасьевич писал: *Самые яркие воспоминания из детства — мешок сухарей и грязный, переполненный вокзал железной дороги, мчащийся куда-то на юг. Больная мать безнадёжно качает головой: «Куда мы едем, куда мы едем...». Её слезы падают на сухари, они делаются мягкими, и мы пьём с ними чай.*

Это было в 1931 году. В конце 20-х годов мой отец был объявлен эксплуататором и лишенцем за то, что был мельник и содержал наёмную рабочую силу. Он два раза был арестован и сидел в местной тюрьме НКВД. Накануне третьего ареста отец решил бежать. Ночью он посадил — мать, меня, моего младшего брата на поезд, и мы покинули родные края. Детство кончилось. Начались мытарства, которые продолжились всю жизнь».

Переезд следовал за переездом. В Саранске Иван Буркин закончил педагогический институт, факультет русского языка и литературы. В сороковом году был призван в армию, а через год отправлен на фронт.

Осенью 1941 г. Красная Армия с тяжёлыми боями продолжала отступать на восток. Целые армии и дивизии попадали в окружение. Так и я оказался в немецком плену, к принятию огромного числа военнопленных немцы были не готовы. Они просто этого не ожидали. Это была катастрофа. Военнопленные тысячами умирали от голода и холода. Этого простить немцам нельзя, но они были врагами. А где были свои? Позже я узнал: находившимся в немецком плену англичанам и американцам шли с родины через Красный крест посылки с продовольствием и одеждой. Советское правительство отказалось от своих военнопленных. Пусть умирают. А ведь это были солдаты, которые приняли на себя первые удары германского вермахта.

После окончания войны Иван Буркин в сталинскую Россию не вернулся, решив, что судьба скитальца лучше рабства и беззакония.

После нескольких лет в беженских лагерях, в 1950 г. Иван Буркин выехал в Америку. В Колумбийском университете получил степень доктора философии. Нью-Йорк не мог не отразиться в стихах поэта.

*В каменных крестословицах Нью-Йорка,
где услужливые окна трут вечером
друг другу спину,
где правая сторона продаёт левую,
где левый глаз отказывается
помогать правому,
где нули каплют как слёзы,*

*а слёзы похожи на горькие нули,
где в кудрявом блеске саксофонов
отворяются лица негров,
где, открывши рот, красавицы
обнажают как пулеметные ленты зубы,
где кто-то из Пятой симфонии Бетховена
упорно стучит в мою грудь,
где память подаёт мне на золотой ложке
душистые стихи Хлебникова,
где в тёмных барах я опускаюсь
на живописное пьяное дно
и нахожу затонувшее сокровище,
сверкающее пронзительным вином
и чистой душой —
в каменных крестословицах улиц
небытие определяет
сознание...*

После Сиракузского университета в штате Нью-Йорк Иван Афанасьевич много лет преподавал русский язык и литературу в Сан-Францисском колледже. Он писал о мостах Сан-Франциско, о луне над Сан-Франциско...

*Чуден, как Днепр у Гоголя,
город Сан-Франциско под луной.
Луна словно Оксана
смотрит на него из небесной Малороссии,
и Сан-Франциско как парубок в белой свитке
стоит, измученный ожиданием
и опоясанный блеском...*

Помимо преподавания Иван Буркин занимался переводами с английского на русский, с русского на английский, а после выхода на пенсию также живописью и скульптурой. В США вышло шесть сборников его стихов. Печатался он в эмигрантских журналах, поэтических антологиях, газетах. Об эмиграции он писал:

*Безгранична, безбрежна,
Ни конца нет, ни края —
Есть страна Зарубежье,
Где мы в прятки играем.*

*Где судьба, как рулетка,
И где планы все пьяны.
А тоска — пятилетка:
Мучит тоже по плану.*

*Есть страна Зарубежье.
Никакой панорамы.
Лишь провалы и бездна.
Лишь ухабы и ямы.*

*Ни царя, ни министров,
Только тёмные ночи.*

Только песни с монистом —
Все про чёрные очи.

Ни царя, ни столицы,
Лишь кресты да иконы.
Есть страна Заграница,
Есть страна вне закона.

Беды в стиле барокко.
Узы рвутся, как нити.
И уже не пороги —
Обиваем границы.

Заедая селедкой,
Пьёт с душою любезной —
Пьёт с душою широкой
И Кавказ зарубежный.
И приблизилась старость,
Уже выросли дети.
Умирают гусары
И седеют кадеты.

А когда-то и в битвах
Умирили красиво.
А теперь лишь с молитвой
На устах о России.

В автобиографии Иван Буркин пишет:

Стихи начал писать в юности. Первые публикации появились в 1938 г. в г. Саранске (Мордовия). Запоем читал Блока. Его цыганские метафоры толкнули моё воображение. Но вскоре моим вниманием завладели Хлебников, Маяковский, Пастернак, а позже их наследник Н. Заболоцкий. Мне нравился их бунт против словесной косности. Они открыли новые, неизведанные слои поэтической речи.

С «Новым журналом», выходящим в Нью-Йорке с 1942 г., отношения не сложились.

Как-то на встрече в Колумбийском университете я оказался за одним столом с Р. Гулем, редактором «Нового Журнала».

Раговорились. Узнав, что я аспирант, он спросил: «Кто по-вашему лучший прозаик в 20-м веке в России?» Я, не задумываясь, ответил «Андрей Белый». Гуль выкатил на меня тяжёлые глаза: «Это вы серьёзно?» «Вполне серьёзно», — ответил я. Поспорили. После этого Гуль не хотел обо мне ничего слышать.

Но меня охотно печатали «Грани», молодой передовой журнал второй эмиграции. Я публиковался и в других изданиях: в «Опытах», «Мостах», «Современнике», в «Новом русском слове».

В зарубежной русской поэзии второй половины 20-го века я был «одиноким парусом». Меня не жаловали представители «парижской ноты».

Однако в стихотворении «И всё-таки» поэт переключается с Георгием Ивановым.

*И всё-таки выжил и дожил
До этих мучительных строк.
Вот падают буквы, как дождик,
Как слёзы, на белый листок.
.....
Бумага, как русское поле.
И русская даль, как хрусталь,
И строчка, хлебнувшая воли.
Приблизит мне дальнюю даль.*

Мало было у меня общего и с поэтами второй волны. Я не боялся эксперимента, выходил за рамки «дозволенного», за что меня не раз одергивал Ю. Терапиано. Но у меня были и защитники (С. Рафальский, Б. Филиппов).

А Вячеслав Завалишин заметил, что у Буркина «есть одна счастливая особенность: книжная культура не умертвила в нём оригинального поэта, а напротив, усовершенствовала его стихи».

В России стихи Ивана Буркина стали появляться в 1990-е годы во многих журналах и антологиях, вышли в свет четыре сборника его стихов. В предисловии к вышедшему в Петербурге сборнику «Луна над Сан-Франциско» Михаил Кузьмин пишет: «... слова в поэзии Ивана Буркина живут не на книжной полке, а в пространстве фантазии и воображения, игры и интуиции... Когда будут опубликованы стихи, романы, эссе из “двух чемоданов”, то перед нами предстанет Иван Буркин во всём своём разнообразии: от лекционера вечных ценностей до укротителя дерзких метафор, от фокусника поэтической бессонницы до эквилибриста смеха сквозь прозу».

Молодой литературовед Яков Кутц, работающий над антологией стихов русских поэтов о Нью-Йорке, прочитав стихи Ивана Буркина, сказал очень точно: «Он весь в языке».

Мой капитал

*Как будто нарочно судьба хлопотала,
Чтоб стали глаголы моим капиталом.
Судьба пожалела, когда был младенцем,
И вышел я в люди глаголовладельцем...
Скажу, если речь здесь заходит о средствах:
Глаголы чудесное всё же наследство!
Слова есть не просят, слова не ботинки,
Они процветают, живут без починки.
Состарится слово — другое есть в кассе...
У слов никогда не бывает вакансий.
И вот я решаю: чего мне бояться,
Мне русский язык предлагает богатство!
Слова меня знают, приветствуют: — Здравствуй!
Глаголы зовут: — Приходи к нам и властвуй!
Меня приглашают цветы прилагательных,
Имен уменьшительных и привлекательных.
А поле, а роща имен существительных!
Иди, создавай нам другую действительность!*

09/2011

Заканчивая свою автобиографию, Иван Буркин писал:

Мой взлѣд на творчество? Поэзия — не должность. Поэты не являются «должностными лицами». Они обязаны поэзии, у которой свой разум и свой язык. В лозунге «искусство для искусства» всё правильно. Но он часто интерпретируется превратно, не учитывается, что поэт живет не в каком-то вакууме, а в обществе. Всё, что он творит, предназначено для общества или какой-то его части. Следовательно, искусство поэта, каким бы оно ни было, всегда имеет общественный характер.

Мне исполнилось 90 лет. Силы мои иссякли. Моя жена Наталья Николаевна поддерживает мой дух. Я не жалею о судьбе.

Не опубликованы и ждут издателя книги стихов «Шаги в тишине», «Это я пишу о», «При свете одуванчика», «Тихоокеанские сонеты», «Сан-Францисские элегии», Проза: роман «Со мной прощается звезда»,

«Прозаические этюды», рассказы «Клятва на Везувии», книга эссе «Слова меня знают». Книги переводов с английского: Эзра Паунд «Стихи», Ч. Симик «Мирные деревья» (стихи), «Антология американской поэзии».

Отчётливо помню, как зимой мы с Иваном Буркиным и Анатолием Даровым носились по Нью-Йорку, приговаривая: «Ах, голубчики-купчики, ветерок в голове, в Пугачевском тулупчике я бреду по Москве...» Помню, как лихо носился в автомобиле по сан-францисским горкам Иван Афанасьевич, жизнерадостный, всегда готовый идти навстречу. Мы с мужем помним, как мы навещали гостеприимный дом Натальи и Ивана Буркиных, полный книг и оживлённых разговоров. Сердечно соболезнуем Наташе. Царство небесное и вечная память поэту Ивану Буркину. Похоронен Иван Буркин на православном сербском кладбище в Сан-Франциско.

Ираида Лёгкая

Василий Жуков

30 июля после продолжительной болезни на 88-м году жизни в штате Коннектикут (США) скончался верный сын Исторической России, Белый Офицер Василий Фёдорович Жуков.

В. Ф. Жуков родился 14 января 1924 г. в Болгарии в семье кубанского казака, участника Белой Борьбы в России (1918–1920). С малых лет он участвовал в национальной работе. В 1935 г. вступил в Национальную Организацию Русских Разведчиков (НОРР), а 1936 г. поступил на унтер-офицерские курсы Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в Болгарии. Горячий патриот России, желая с оружием в руках бороться за её освобождение от коммунистов, Василий Фёдорович считал своим долгом вступить во время Второй мировой

войны в Русский Корпус. Начав службу юнкером 5-й роты 3-го полка, в 1943 г. В. Ф. Жуков был произведён в подпоручики и далее служил на радиостанции 1-й роты 2-го полка, а с 1944 г. — во взводе связи при штабе Корпуса. После войны он активно включился в работу по национальному воспитанию русской молодёжи в рядах НОРР — сначала в Марокко, затем в США, где со временем стал начальником НОРР. В 1999 г. Председателем РОВС капитаном В. Н. Бутковым Василий Фёдорович был назначен в Совет Старших чинов РОВСа и произведён в чин штаб-капитана.

2 августа состоялось отпевание В. Ф. Жукова в Средненском храме Стратфорда и погребение на кладбище монастыря Ново-Дивеево.

Ирина Бен-Чавчавадзе

23 августа 2011 года в США (штат Невада) после тяжёлой болезни отошла ко Господу Ирина Георгиевна Бен-Чавчавадзе (Климова), русский патриот, участница Освободительного движения народов России, вдова офицера 1-й дивизии войск КОНР (РОА).

В 1944–1945 годах Ирина Георгиевна служила машинисткой при штабе 1-й дивизии в Мюнзингене (Германия), лично знала генерала С. К. Буняченко, подполковника Николаева и других старших офицеров дивизии.

В последние годы сильно болела, тяжело переживала преждевременную утрату близких — мужа и сына.

Всегда верила и надеялась на торжество исторической правды об Освободительном движении в возрождённой России. Похороны Ирины Георгиевны состоялись в Оттаве (Канада).

Господь да упокоит её душу в селениях праведных! Друзей и соратников просим помянуть новопреставленную рабу Божию Ирину.

Аминь.